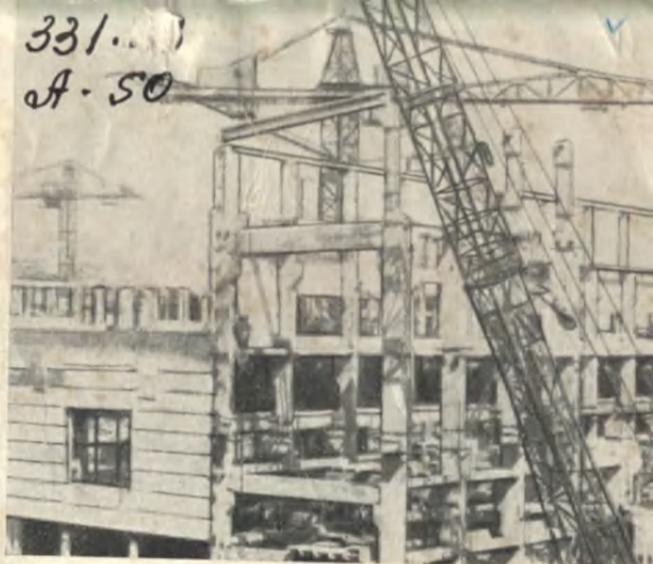

72(2)

331...
A-50

ЧАРЛЬЗ АЛЛЕН
ПУТЕШЕСТВИЕ
В СОВЕТСКИЕ
ПРОФСОЮЗЫ

**ЧАРЛЬЗ
АЛЛЕН**

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В СОВЕТСКИЕ
ПРОФСОЮЗЫ**

**Глазами
американского
журналиста**

ПРОФИЗДАТ — 1967

Эта брошюра была издана на английском языке в США в 1965 году. Американский писатель Ч. Аллен в живой своеобразной манере рассказывает о своих впечатлениях от поездки по Советскому Союзу. Он впервые был в нашей стране, ознакомился с советской действительностью, деятельностью профсоюзов и старался объективно высказать свое мнение обо всем увиденном. Читатель убедится в этом, прочитав книгу. Фотографии, помещенные в ней, делал во время своих поездок сам автор.

Издательство представляет читателю несколько сокращенный перевод брошюры.

Перевод Лимановской В. И., Щетинина Г. А.

Издательство просит читателей посылать свои отзывы на книгу по адресу: Москва, Центр, ул. Кирова, 13, Профиздат.

*Рокуэллу Кенту и Ричарду Морфарду
в знак уважения, глубокой призна-
тельности и восхищения посвящается*

ОТ АВТОРА

Цель этой брошюры довольно скромная. Я хочу кратко рассказать в ней о том, что показалось мне главным в современном профсоюзном движении в Советском Союзе. Охватить полностью многогранную деятельность советских профсоюзов я здесь не смог, но все же надеюсь, что мой репортаж послужит ценным вкладом в дело, актуальность которого, по моему глубокому убеждению, не может вызывать сомнений у американского народа. В моей брошюре, наверное, затронуто больше вопросов, чем дано на них ответов, но я стремился хотя бы бегло показать, чем живут простые люди, трудящиеся Советского Союза.

Все написанное здесь продиктовано желанием показать без всякой предвзятости жизнь 225-миллионного советского народа, чтобы помочь моим соотечественникам понять совершенно иную по сравнению с нашей социальную систему и иной быт. И если мне удалось этого достичь, то, быть может, моя брошюра послужит укреплению прочного и почетного мира между трудящимися Соединенных Штатов и Советского Союза.

Мы должны принимать окружающий нас мир таким, как он есть в действительности, а не таким, как нам бы хотелось... Давайте пересмотрим наше отношение к Советскому Союзу.

Президент Джон Ф. Кеннеди.
10 июня 1963 г.

В ПУТИ

Пролетая на высоте 35 тысяч футов над Европой на борту красивого компактного ТУ-104, державшего курс на Москву, я перебирал в уме представления, сложившиеся у меня самого и у многих других людей Запада о советских профсоюзах, о материальных условиях жизни советских трудящихся. Я помечал в своем блокноте по пунктам те вопросы, которые намеревался проверить на фактах за время своего двухмесячного пребывания в СССР.

Еще в Америке я слышал такие, например, мнения многих людей. Известный нью-йоркский телевизионный обозреватель с полной серьезностью заявлял мне: «Учтите, что это вовсе не профсоюзы, это агенты государства».

Один корреспондент Ассошиэйтед Пресс убеждал меня: «Нет у них профсоюзов. Вы увидите, что рабочие не могут добиться и копейки путем переговоров с администрацией. Они лишены каких бы то ни было средств для решения вопросов, связанных с продолжительностью рабочего дня или с условиями труда».

Известный политический обозреватель говорил мне: «Аллен, не пользуйтесь красным цветом для изображения Советского Союза! Это скучная и хмурая страна, где лю-

ди влчат унылое, однообразное существование. Профсоюзы! Куда там! Русские не знают даже значения этого слова!»

Хорошо известный «кремленолог», преподаватель Колумбийского университета, лишь повторил широко распространенное в американских университетских кругах мнение, заявив: «Так называемые профсоюзы — креатура Коммунистической партии, которая направляет все в Советском Союзе».

Мой приятель, видный работник одного из крупных профсоюзов, входящих в АФТ — КПП, говорил мне: «Послушай, Чок, ты ведь знаешь отзыв большинства наших профсоюзных руководителей. У русских нет профсоюзов в нашем понимании. Это просто опытные погонялы на производстве по поручению правительства или напористые люди, выполняющие задания партии. Да ты и сам знаешь, что таково общее мнение!»

Однако это отнюдь не общее мнение. Иначе настроены люди, которым удалось за последние несколько лет посетить Советский Союз и познакомиться с деятельностью советских профсоюзов, например, кое-кто из пользующихся уважением американских профсоюзных работников. Они, правда, ставили себе ограниченную цель, как например председатель Национального профсоюза моряков, входящего в АФТ — КПП, Джозеф Карен, посетивший вместе с двумя толковыми профсоюзниками в августе 1962 года несколько торговых портов СССР.

Я беседовал с десятками американских профсоюзных деятелей, которые в качестве туристов посетили многие металлургические, автомобилестроительные и текстильные предприятия, а также заводы электромашиностроения в наиболее крупных городах европейской части Советского Союза. Решительно у всех впечатление от увиденного оказалось более положительным, чем подсказывало им предвзятое мнение. Даже крупным предпринимателям было любопытно познакомиться с условиями труда в СССР. В 1958 году делегация Американского института железа и стали посетила главные металлургические центры Советского Союза и опубликовала пространный отчет, в котором имеется интересный раздел по вопросам труда.

Кроме того, один из органов Организации Объединенных Наций, пользующийся большим авторитетом, Международное бюро труда, работа которого активно поддерживается правительством США, в 1960 году опубликовало обширный документированный отчет об отмеченной им

при ознакомлении на месте независимости профсоюзного движения в СССР.

Я направлялся в Советский Союз не для того, чтобы делать необоснованные и обидные сравнения двух профсоюзных систем, которые, как это вполне понятно, отличны одна от другой. Я не имел намерения доказывать, чей образ жизни лучше — американских или советских трудящихся. Должен признаться откровенно, я отношусь страстно к американскому профсоюзному движению. При всех его противоречиях, при всей его нередкой отсталости, что особенно бывает свойственно руководителям, профсоюзное движение в Соединенных Штатах тем не менее воплощает в себе самые лучшие американские демократические традиции.

Я решил подробно ознакомиться с советскими профсоюзами, встречаться с людьми и попытаться понять их точку зрения на жизнь, отбросив собственные мерки. Отдавая себе отчет, что между американской и советской профсоюзными системами существует заметное различие, я хотел также найти и общие черты в жизни трудящихся двух стран. Я задался целью собрать фактический материал о деятельности советских профсоюзов для журнальных и газетных статей, для выступлений по радио, для книг и телевизионных фильмов.

Предварительно я собирался написать брошюру, адресованную членам американских профсоюзов. Такая брошюра была мне заказана общественной организацией — Национальным советом американо-советской дружбы, в правлении которого состоят многие видные американцы (подобного рода литературу Совет в течение ряда лет издавал для американских педагогов, художников, писателей, ученых, священников, коммерсантов и пр.). Не будучи связанным с Национальным советом, я как независимый журналист принял предложение написать брошюру, поставив следующие требования:

1. Предоставить мне полную свободу выбора материала и формы.
2. Определить мне срок для путешествия по стране, достаточный для получения всех необходимых сведений о деятельности советских профсоюзов.
3. Обеспечить мне возможность свободного ознакомления с различными сферами профсоюзной деятельности, а также с частной жизнью трудящихся.
4. Разрешить мне пользоваться фотоаппаратами и магнитофоном.

5. Закрепить за мной право беседовать с людьми по моему выбору независимо от их ранга.

6. Обеспечить мне непосредственное общение с рядовыми труженниками, без вмешательства официальных лиц, хотя бы и доброжелательного.

7. Дать мне возможность взять на себя все расходы, связанные с этой поездкой.

Предложенные мною условия согласились принять не только Национальный совет американо-советской дружбы — в пределах его возможности, но и советские организации: ВЦСПС и все его республиканские, областные и городские советы профсоюзов. Они оказались более чем любезны, стараясь обеспечить возможность всестороннего знакомства с материалами, необходимыми журналисту.

Даже находясь уже в пути, я не мог себе представить, какое большое путешествие мне предстоит совершить. Моя одиссея продолжалась более семи недель, в течение которых я проделал около 12 тысяч миль во всех направлениях Советского Союза, посетив пять союзных республик из пятнадцати, семнадцать городов, двадцать девять заводов и фабрик, различные учреждения и научные центры. Я повидал десятки тысяч советских людей, живущих в разных климатических и культурных условиях, и восемьсот шестьдесят из них, представляющие профсоюзы, науку, культуру, общественность, спортивный мир, были моими собеседниками.

Я разговаривал с простыми дворниками и высококвалифицированными техническими специалистами, с Героями Социалистического Труда и рядовыми рабочими, с подростками, пожилыми людьми и с людьми разного цвета кожи, глубокими стариками, труженниками, работавшими на очень старых предприятиях и предприятиях, построенных несколько лет назад, самых новейших автоматизированных заводах, созданных по последнему слову науки и техники, видел предприятия с различными условиями труда. И лишь теперь разглядел, понял и оценил, хотя и не полностью одобрил, те удивительные контрасты и противоречия, что характеризуют советскую жизнь в местах, где я побывал.

Мне предстояло посетить европейскую часть Советского Союза с субтропиками Крыма, сказочную Среднюю Азию, побывать на Дальнем Востоке и увидеть тайгу (дикие непроходимые леса) легендарной Сибири, пролетать вдоль границы Монголии и Китая.

Знай я заранее, что мне придется заполнить более ты-

сячи страниц подробными записями, описаниями, текстами бесед и заметками о своих впечатлениях, сделать около тысячи цветных и черно-белых фотоснимков, которые необходимо было размечать тут же на месте, я попросил бы дать мне двух помощников. За время пребывания в СССР мой магнитофон более тридцати часов записывал различные интервью, дискуссии, выступления на собраниях, на культурных и спортивных встречах, организованных профсоюзами на предприятиях и в других местах. Знаю я также, что за семь недель мне придется проработать — именно проработать — 784 часа и зачастую не спать по нескольку суток кряду, я, возможно, не так рвался бы в эту поездку.

Почти все время я находился рядом с советскими рабочими и работницами, наблюдать жизнь которых я и приехал. Во многих случаях я проводил вместе с ними весь рабочий день, а также и часы досуга. Я вставал одновременно с ними, шел с ними на работу — пешком или пользуясь тем же транспортом, что и они: автомашиной, автобусом, грузовиком, метро, велосипедом, лодкой, а раз даже гигантским вертолетом. Я свободно расхаживал по предприятию, задавал вопросы, интересуясь, как они относятся к своей работе и профсоюзу, посещал с ними в обеденный перерыв заводскую столовую, после работы шел к ним и ужинал у них дома — в городской квартире или в колхозном доме, а иногда и в ресторане по соседству. Посещал с ними вместе разного рода культурно-массовые мероприятия во дворцах культуры: концерты симфонической и джазовой музыки, балетные и драматические спектакли, вокальные концерты, литературные чтения, эстрадные представления, похожие на наши любительские постановки, оперы и выступления хоровых коллективов, беседы и дискуссии на всевозможные темы.

Как бывшему спортсмену-любителю в колледже, а затем спортсмену-профессионалу, мне особенно интересно было видеть организуемые профсоюзами грандиозные спортивные встречи и даже участвовать в них. Я увлекся футболом (у нас такой футбол называется сокер), много раз играл в баскетбол, занимался тяжелой и легкой атлетикой, плаванием, прыжками в воду, гимнастикой, борьбой и боксом. Неоднократно играл в составе баскетбольных команд, участвовал в состязаниях пловцов и тяжелоатлетов. Часто я захаживал в так называемые красные уголки — комнаты для чтения и настольных игр, имеющиеся на каждом советском предприятии, — и, заставая там кого-нибудь

за шахматной доской, садился играть с ним партию, но неизменно проигрывал.

Я посещал также различные социально-бытовые, культурные учреждения, которые есть при каждом заводе и колхозе, уделяя особое внимание пунктам первой медицинской помощи, профилакториям (которых нет на наших предприятиях), поликлиникам, школам фабрично-заводского обучения, детским садам, яслям и библиотекам. Я бывал в театрах, ездил по новостройкам, которые прежде всего бросаются в глаза, в какой бы город Советского Союза вы ни попали.

Всюду я свободно вел живые и откровенные, подчас, я бы сказал, грубо откровенные беседы, обменивался мнениями с членами фабзавкомов, с директорами и их заместителями, представляющими администрацию. Мне давалась счастливая возможность присутствовать на различных заводских собраниях, которой раньше не имел почти никто из американцев.

В Советской Грузии я присутствовал на интересном заседании производственного совещания, в Советской Азии был свидетелем того, как культкомиссия фабкома одного из крупнейших в мире текстильных комбинатов «прорабатывала» директора за какие-то недостатки. Я бывал на собраниях первичных профсоюзных организаций в Сибири, в Москве и в Ленинграде и, кроме того, на заседании товарищеского суда (которого тоже не существует в США).

Мои любезные хозяева скрупулезно выполняли поставленные мною заранее условия и были снисходительны ко мне, несмотря на ряд моих довольно резких выпадов и довольно непочтительный юмор. Однажды, например, где-то в Сибири я вышел из самолета, поднял руки вверх и сказал: «Все в порядке. Я американец мирный. Как попасть на соляные копи?».

Ни разу мне никто не сказал: «Сюда нельзя!» или «Об этом нельзя говорить!» или: «Нельзя брать интервью у этого человека!» Я был искренне поражен чистосердечием, прямотой и полной готовностью каждого выслушивать меня и отвечать на любые задаваемые мною вопросы. И впервые за шестнадцать лет моей журналистской деятельности никто и нигде не попытался уклониться от ответа на мои вопросы, ссылаясь на свою некомпетентность или на то, что эти сведения не для печати.

Работники ВЦСПС активно помогали мне в выполнении программы. Но довольно часто я бывал в самой гуще рабочих один или только в сопровождении переводчика.

На местах Сталинградской битвы. «Все придется делать на ходу...»

Не могу не вспомнить еще об одном предубеждении, с которым я приехал в Советский Союз. Такого рода мысли наиболее правильно осудил сенатор от штата Арканзас Дж. У. Фулбрайт в своей речи, произнесенной в Конгрессе США 25 марта 1964 года. Подчеркнув быстро меняющиеся отношения между США и СССР, он заявил, что очень часто мифы о «дьявольских теориях», усиленно распространявшиеся после Октябрьской революции, искажали в глазах многих людей действительное положение вещей в Советском Союзе. Попав в СССР, я понял, что эти мифы, осужденные сенатором, также исказили и наше представление о советских профсоюзах.

«Основой холодной войны, — заявил Дж. У. Фулбрайт, — является распространенный миф о том, что коммунистический блок — это монолит, состоящий из правительств, да, собственно, и не правительств, а организаций заговорщиков, которые при незначительных расхождениях в тактике все одинаково полны решимости уничтожить свободный мир».

Подставьте слово «профсоюзы» в соответствующих местах, и вы получите представление о том, какое мнение имеют многие американцы о советских профсоюзах. Я полагал, что моя поездка покажет реально, состоятелен или нет этот «основной миф».

— Леса — господни сады, — говорил дед. — За Волгой лес, до Урала идет, да! Все это безмерно и пречудесно... Лес вызывал у меня чувство душевного покоя и уюта... и в то же время у меня росла особенная настороженность ощущений: слух и зрение становились острее, память — более чуткой, вместилище впечатлений — глубже.

Максим Горький. «В людях».

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ!

Я начал свои исследования до того, как ступил на советскую землю. Еще в полете я расспрашивал о профсоюзах бойких советских стюардесс, которые, отмечаю с удовольствием, не менее привлекательны, чем их американские коллеги; главного пилота и механика самолета; профессора филологии Ленинградского университета, возвращавшегося из поездки в Англию в порядке культурного обмена. Такая же тема была основной и в беседе, завязавшейся у меня с группой артистов ансамбля Моисеева, летевших домой после блестящих гастролей в Лондоне.

Это были первые советские люди, с которыми мне довелось разговаривать, и я с интересом ожидал их ответов. А для них было удивительно, что я задаю им вопрос, состоят ли они в профсоюзе.

— Конечно! — воскликнула хорошенькая белокурая стюардесса. — Все мы члены профсоюза. Как же иначе?

И так мне отвечали все, кого я спрашивал об этом в Советском Союзе...

До приезда в СССР я знал из литературы, что все советские профсоюзы построены по производственному принципу: «одна или несколько отраслей — один профсоюз», то есть все лица, работающие в одной или нескольких отраслях, независимо от рода занятий относятся к одному профсоюзу. Когда мы плавно летели высоко над Скандинавией с включенным автопилотом, я спросил капитана на-

шего самолета, применяется ли у них этот принцип. Он ответил:

— Все, кто обслуживает этот самолет, члены профсоюза авиационных работников.

А главный механик дополнил:

— Как и все, кто постоянно работает в аэропорту: билетные кассиры, носильщики, ремонтники, грузчики, диспетчеры, уборщицы — они все состоят в одном профсоюзе.

— И это так понятно! — заметил капитан корабля.

В разговор включился ленинградский профессор:

— Любой работающий у нас в университете состоит в профсоюзе работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Наш профсоюз объединяет не только преподавателей, но и всех работников университета.

— И студентов? И обслуживающий персонал? — попытался я.

— Да, — ответил профессор, — всех работающих у нас: от ректора до швейцара. И студентов — они ведь тоже работают.

Артисты ансамбля под руководством Игоря Моисеева подтвердили то же самое: все они — танцоры, балетмейстеры, художники, костюмеры, плотники, электрики и даже сам прославленный их руководитель — принадлежат к профсоюзу работников культуры.

Возложив на кого-то из своих обязанности переводчика, они наперебой называли мне области деятельности своего профсоюза: производственная работа, социальное страхование, охрана труда, рассмотрение трудовых споров, спорт, культурно-массовая работа...

Не прошло и трех часов с момента вылета из Лондона, как мы стали снижаться над Москвой. Под нами простиралась изумрудно-зеленые поля, березовые рощицы и маленькие озера, окружающие столицу.

— Прошу пристегнуть ремни, товарищи, — скомандовала белокурая стюардесса. — Уже Москва.

Московский международный аэропорт — это громадное новое сооружение. Стартовые дорожки, разбегаясь во все стороны, терялись вдаль. Центральное здание напомнило мне аэровокзал О'Хейр в Чикаго: все из стекла, невысокое и изящное, оно красиво вписывалось в живописный пейзаж.

Наконец наш самолет подрулил к аэровокзалу, и я заметил на земле целый ряд самолетов с флагами всех стран: пассажирские самолеты Индии, Пакистана, Индонезии, Японии, Швеции, Дании, Финляндии, Франции,

Италии, Великобритании, Голландии, Бельгии, а также стран Восточной Европы. Впервые я увидел здесь герб Китайской Народной Республики.

Выйдя из самолета на площадку трапа, я подал свой паспорт дружелюбному пограничнику в красивой серой шинели с небольшим меховым воротником, в каракулевой шапке и великолепных, начищенных до блеска сапогах. Я постоял минутку, оглядываясь по сторонам, вбирая в себя первые впечатления от Советского Союза. Было 19.30 по московскому времени, но еще довольно светло, хотя небо заволакивали тучи, а земля была мокрая, очевидно, после недавнего дождя. Аэропорт сверкал от множества заливавших его огней. Внизу у трапа ожидал состав из миниатюрных открытых вагончиков, чтобы доставить пассажиров в таможенную. Другой такой состав с первой группой прибывших был уже далеко.

Спустившись, я заметил несколько человек, с довольно мрачным видом державшихся в сторонке. У одного из них в руках был букет чудесных цветов. «Не волнуйся, — подумал я, — это встречают не тебя, какую-то знаменитость, прибывшую с этим самолетом». И тут меня окликнули:

— Мистер Аллен!

Я обернулся на чей-то голос с сильным британским акцентом. Оказалось, встречали меня.

Я шагнул к ним, и тогда широкоплечий человек, державший букет, протянул его мне, улыбнулся и на хорошем английском языке произнес:

— Добро пожаловать в Советский Союз!

Я взял у него цветы, испытывая какую-то неловкость. Остальные окружили нас и, поклонившись, с приветливой улыбкой выжидательно поглядывали то на меня, то на того, кто меня приветствовал.

— Вот уж действительно приятный сюрприз! — сказал я. — Надеюсь, вы приехали сюда не специально ради того, чтобы меня встретить?

Главный из них сказал:

— Да это ничего, ничего!

А напряженность между тем не исчезала.

— Знаете ли, — заявил я, — это мой первый визит в Советский Союз. Хочется радоваться, а вы все какие-то сумрачные. Вы что, испугались, не прихватил ли я с собой Барри Голдуотера? Нет, он еще рыщет по Штатам, подбирая остатки всякого сброда.

Услышав это, трое весело рассмеялись, а четвертый глядел на нас с недоумением. Наголо бритый молодой

человек быстро перевел ему на русский язык то, что я сказал, и тогда он громко расхохотался и, шагнув вперед, крепко обнял меня.

Мы поспешили к центральному зданию. Я узнал, что встречающие меня представляют делегацию от ВЦСПС, высшего органа профсоюзов СССР.

Борис Аверьянов, заведующий международным отделом ВЦСПС, оказался очень подвижным человеком, несмотря на свою солидную комплекцию.

— Вас бы в полузащитники в американский футбол, — сказал я.

— Как это понять? — спросил он.

— Ну, в футболисты, как принято говорить у русских. А полузащитник — это игрок, что на переднем крае отбивает противника, давая возможность своим донести мяч.

— А, значит, что-то вроде английского регби? — обрадованно спросил он.

— Да, — ответил я, — вроде, да не совсем.

— О, я знаком с американским футболом, — живо откликнулся наголо бритый молодой человек. — Я видел очень красивые цветные фотографии американских футболистов. Они похожи на рыцарей в доспехах.

— Где удалось вам видеть такие фотографии, в каком-нибудь советском журнале? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил он, пробираясь рядом со мной в здание. — В журнале «Америка».

— Вот как! — воскликнул я. — «Америка» — это же официальный печатный орган госдепартамента США, такой же журнал, как ваш «Советский Союз». Правильно?

— Правильно, — подтвердил он с улыбкой.

— Так, — протянул я с притворной строгостью. — Почитываете пропаганду госдепартамента? Ну, считайте себя уволенным с работы!

Молодой переводчик Вячеслав Васильев улыбнулся, остальные тоже засмеялись, о чем-то говоря между собой.

Потом меня повели в красивый аэропортовский ресторан с крахмальными скатертями, серебром и дорогой посудой — «закусить» (если можно назвать закуской обильную еду из четырех блюд!). За разговором я узнал, что один из моих новых знакомых, тот, который не понимал по-английски, был участником войны, прошел в пехотных частях от Москвы до Берлина. Его звали Виктор Иванович Лобанов. В прошлом он преподавал и был членом профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Теперь он работал в аппарате

ВЦСПС. Вскоре выяснилось, что мы с Виктором можем довольно свободно объясняться по-немецки и по-французски. Он и его коллега помоложе, Герольд Щетинин, тридцатилетний шатен с безукоризненными манерами и молодым задором, могли легко сойти за преподавателей американского колледжа. Эти двое вместе со Славой в качестве переводчика будут сопровождать меня в моей поездке. Четвертый — Борис Аверьянов — тоже молод (под сорок лет), и я удивился, узнав, что он занимает столь ответственный пост заведующего международным отделом ВЦСПС. Позже мне стало известно, что его считают весьма способным деятелем профсоюзного движения.

Я сказал, что, по моему мнению, переводчик должен быть моим основным посредником, дабы я смог справиться со своим заданием. Они согласились, и тогда я попросил разрешения уточнить свои требования.

— Пожалуйста, пожалуйста! — хором ответили они.

Это замечательное словечко я не раз потом слышал в СССР в смысле доброжелательного разрешения говорить и действовать.

— Мне хотелось бы, — продолжал я, — чтобы перевод делался слово в слово — и немедленно — с русского на английский и с английского на русский.

— Так и будет, — заверили они меня. — Слава именно так и поступает. Он работает преподавателем и переводчиком в Высшей школе профсоюзного движения, работает также со многими зарубежными делегациями из Великобритании и других стран, где говорят на английском языке. И у него большой опыт синхронного перевода.

— Я привез с собой магнитофон, который будет у меня все время в деле.

— Да, мы уже его видели.

— Какой он у вас марки? — спросил Аверьянов.

— Голландский транзисторный магнитофон Норелко.

— Чудесный. Сколько он весит?

— Меньше пяти кило и работает безотказно.

— Вот и замечательно!

— Слава, — сказал я, обращаясь к скромному, превосходно аттестованному переводчику, — я бы хотел в таком случае, чтобы вы пользовались магнитофоном наравне со мной. Я приобрел опыт в этом деле, когда приходилось делать перевод с немецкого и корейского. Наша работа потребует большой напряженности и труда. Ведь все придется делать на ходу.

— Разумеется, — ответил он с уверенностью.

— Моих знаний русского языка достаточно, чтобы следить за разговором. Со мной прошу не церемониться, спрашивать и отвечать без деликатностей. Далее, я буду просить переводить мне надписи на знаменах, объявлениях, лозунги. И если кто-нибудь на заводе или у конвейера бросит какое-то случайное замечание, я хочу услышать перевод его немедленно. Например, если человек пробурчит: «Не ваше дело!» или: «Что надо здесь этому американцу?» — я хочу услышать это по-английски сразу же, чтобы до меня доходило все в ту же минуту. Ладно?

— Конечно, — отозвался Слава с готовностью, и его добрые голубые глаза заискрились.

— А теперь поедем в гостиницу «Москва», где вас ждет номер, — сказал Борис Аверьянов. — Просмотрим вашу программу и обсудим ее, потом поужинаем, а завтра утром за работу.

Было около полуночи, когда мы закончили ужин, достойный Гаргантюа, с таким ощущением, будто мы уже давнишние друзья. Герольд Щетинин предложил пойти на Красную площадь, посмотреть смену караула у Мавзолея В. И. Ленина. Все согласилось.

Надевая внизу пальто, я разговорился со старым гардеробщиком. Ему уже за семьдесят, сообщил он мне, он из крестьян, но после революции работал на сталелитейных заводах.

— Здесь я хоть чем-то занят, — сказал мне, — да и подрабатываю маленько.

— А эта работа не мешает вам получать пенсию?

— Да нет.

— Сколько же вы здесь зарабатываете?

— Рублей семьдесят.

— Не густо, — заметил я.

— Но это неплохо, — начал он объяснять, — при пенсии да небольшой квартирной плате.

— Потом поговорите, Чок! — крикнул кто-то из моих спутников, потянув меня за рукав. — Не то опоздаем!

— Пошли! — хором сказали Герольд, Виктор и Слава (Борис Аверьянов еще раньше уехал по делам), и наша компания высыпала из гостиницы со смехом и шутками.

Но чем ближе подходили мы по широкой брусчатой мостовой к Красной площади, тем серьезнее становились наши лица. В голубовато-сером свете полуночной площади выделялись шпили Кремля, его башни и средневековые брустверы. ~~Могущественными глазами~~ вырисовывались пе-

ред нами во мраке ночи величественные стены древней крепости с развевающимися красными флагами. Золоченые, раскрашенные купола собора Василия Блаженного как бы парили в воздухе. Удивительные краски и формы, громадные здания на площади — Кремль, собор, универсальный магазин, залитые мягким светом, плывущая в небе луна, флаги, колышущиеся на ветру, — вся эта торжественная картина приглушила наше легкомысленное настроение. На всей площади мы, казалось, были одни.

Вдруг тихо и мелодично заиграли Кремлевские куранты. Ничего похожего я никогда не слышал. На ярко освещенном золотом циферблате часов стрелки показывали без двух минут двенадцать. Откуда-то донесся шум. С противоположного конца площади показались люди, они спешили к мавзолею — сооружению из серого, красного и черного мрамора, над массивными стальными дверями которого было высечено: ЛЕНИН. Два молодых солдата, словно застыв, стояли здесь на карауле. На их штыхах поблескивали огни площади.

И вот на площади раздались быстрые и четкие шаги. Это шел на смену караул. Двое солдат с винтовками на плечах в сопровождении сержанта, показавшиеся из ворот кремлевской башни, приближались к мавзолею. Они были в длинных шинелях, в светло-серых меховых шапках, красиво сидевших на их головах, и обуты в начищенные до блеска сапоги. Они шли прямо на нас, чеканя шаг и отбивая такт свободной рукой в белой перчатке, мимо белых трибун, потом повернули и зашагали по каменной дорожке, гулко отражавшей их шаги. А куранты продолжали наигрывать свою мелодию.

Когда они проходили мимо нас, стоявших в почтительном, чуть ли не благоговейном молчании, я заметил, что и солдаты, и сержант очень молоды — лет двадцати самое большее. Все, как один, стройные, красивые, голубоглазые — истые славяне. Ни один мускул не дрогнул на их лицах, глаза были устремлены вперед.

У мавзолея они резко остановились. Молодой сержант неслышно отдал команду в тот самый момент, как куранты на кремлевской башне начали отбивать полночь. Раздался стук прикладов о мрамор, скрипнули сапоги — караул четко произвел смену.

Еще мгновение — и новый караул стоял на своем посту. А сменившийся, так же печатая шаг, направился к кремлевским воротам под перезвон курантов, далеко разносившийся в холодной московской ночи.

Во время своих посещений различных предприятий и учреждений делегация убедилась в наличии там большого количества профсоюзных органов, руководимых способными и авторитетными людьми, которые отличаются сознанием своего долга и отзывчивостью по отношению к вопросам, касающимся интересов членов профсоюзов.

«Положение профсоюзов в СССР», доклад Международного бюро труда, органа ООН, 1960 г.

ЗА РАБОТОЙ

Луч утреннего солнца, отраженный в зеркальце водителя нашего такси, на миг ослепил нас. Мы пересекли в гуще машин улицу Горького, то и дело застревая из-за большого движения, проехали мимо кремлевской стены и старинных зданий факультетов гуманитарных наук Московского университета и на третьей скорости, оставляя позади себя солнце, помчались дальше.

Наш путь лежал на фабрику Шелкового комбината имени Свердлова. Пользуясь случаем, я вовлек в беседу водителя нашей «Волги».

— Читаете книжки на работе! — сказал я с напускным возмущением. — Будет доложено начальству! Водителю, пойманному с утра за чтением тургеневского «Дыма», срежут плату за этот день!

— Да нет, — добродушно рассмеялся он. — Я всегда читаю, пока свободен.

— А серьезно, сколько часов в день вы работаете?

— Вполне серьезно — по семь часов, а в субботу рабочий день укорочен.

— И часто ли сверхурочно?

— Очень редко. Для этого требуется специальное разрешение.

— Чье?

— Профсоюза работников автотранспорта, членом которого я состою.

— Если бы вы были водителем такси в Соединенных Штатах, — заметил я вскользь, — то, возможно, принадлежали бы к профсоюзу водителей грузового и легкового автотранспорта, к «Тимстерам», крупнейшему у нас союзу, который насчитывает почти два миллиона членов.

— Я читал о «Тимстерам» и об их председателе Джимми Хоффе, — сказал он, пристально следя за движением и то и дело поглядывая в зеркальце на машины, идущие сзади. — Хозяевам этот Хоффа не очень-то симпатичен, да?

— Еще бы! Это ведь боевой профсоюз, и его председатель — тоже! Скажите, что составляет ваш заработок: чаевые, оклад, премиальные и еще какие-то виды поощрения?

— Мой основной оклад сто двадцать рублей в месяц плюс премиальные.

— Как определяется размер премии?

— Многими показателями. Это не только количество перевезенных пассажиров, но и соблюдение норм безопасности движения, экономия бензина и масла за месяц, уход за машиной и даже рационализаторские предложения, если я таковые внесу, — объяснил он.

Мы ехали по Ленинскому проспекту, который, как и все крупные магистрали Москвы и других больших советских городов, виденных мною, содержится в идеальной чистоте.

Я спросил его, как организованы водители такси по профсоюзной линии: по гаражам, районам или как-то иначе? Он мне ответил, что в Москве несколько таксомоторных парков и в каждом своя первичная профсоюзная организация. Его первичная организация в парке, который находится в одном из центральных районов города. Там стоит его машина, там и поликлиника, где он лечится.

Время не позволяло подробно остановиться на структуре его первичной организации, но я подметил у него несколько черт, характерных, как я потом убедился, для всех советских шоферов такси от Киева до Сибири. Они ездят на больших скоростях, чрезмерных, на мой взгляд. Они весьма хозяйственны: по ночам большей частью водят машины с выключенными главными фарами, экономно пользуются стеклоочистителями, выключают мотор, когда только можно, — при спусках с горы, на длинных отлогих склонах и т. д. Мой собеседник рассказал мне,

что для получения звания водителя такси необходимо сдать строгие практические и теоретические экзамены по автомеханике.

Еще один показатель, от которого зависит премия, — это поведение водителя за рулем. Не будем путать это с вежливостью по отношению к пешеходам, ибо война между пешеходами и водителями на улицах всех больших городов никогда не прекращается: пешеходы не обращают внимания на светофоры, пересекая улицы, идут напролом при движущемся транспорте — бросают вызов машине, рискуя оказаться под ее колесами. Водители, со своей стороны, с не меньшим пренебрежением относятся к пешеходам, и, таким образом, каждый из них должен быть начеку, памятуя, что всегда возможны несчастные случаи.

Я узнал также, что водители квалифицируются по классам: от первого до третьего. Основная заработная плата устанавливается здесь, как и повсюду, законом.

Подъезжая к текстильной фабрике, я уже знал, что большинство водителей держит себя весьма независимо по отношению к дорожному начальству. На Ленинском проспекте полисмен, называемый в СССР милиционером, подал знак нашей машине, направляя ее в средний ряд, лишая нас тем самым возможности сделать поворот.

— Черта с два! — крикнул наш водитель пораженному этой дерзостью регулировщику. — Я должен свернуть сюда!

И нас не остановили.

— И вы не боитесь, что вам влетит? — спросил я уже у самых ворот фабрики.

— Да нет, — бросил мне водитель, все еще не остывший от раздражения. — Я не нарушил правила. Вот если бы я был пьян или превысил скорость, или нарушил правила, или проехал на красный свет, он имел бы право задержать меня или оштрафовать на месте за какую-нибудь малость. Да ладно, черт с ним! Он видел, что мне надо повернуть, но ему захотелось позлить меня.

— В Америке полицейских называют «крючками», — сказал я ему.

— Вот как! Это здорово — «крючки». — И он обрадованно засмеялся.

— При установлении премии штрафы учитываются?

— Да, — ответил он. — Если много штрафов, плакала твоя премия!

— А у вас их много бывает?

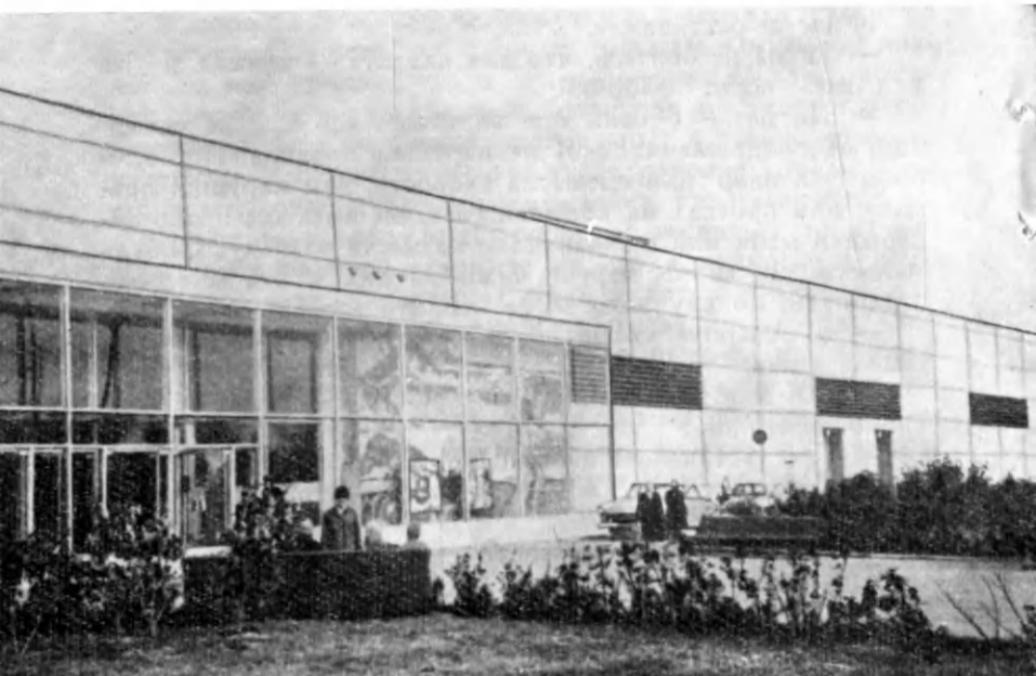
— Иной раз слишком много. Тогда мне достается от супруги.

— Ну так смотрите, не попадайтесь на «крючок»!
От его улыбки стало светлее на улице.

В цехе

Как видно из сделанных мною фотографий, ткацкая фабрика Шелкового комбината имени Свердлова — красивый современный комплекс зданий из бетона и стекла, со стенными абстрактными украшениями из нержавеющей стали, панно с помещенными на них фото, изображающими здешних тружеников в их повседневной жизни. Комбинат вместе с несколькими другими предприятиями легкой промышленности расположен в центре нового жилого района. В непосредственной близости от него большой крытый рынок, кинотеатры и много новых жилых домов на широких, усаженных деревьями улицах.

На ткацкой фабрике два цеха: красильный и ткацкий, в которых вырабатываются ткани из шелка, вискозы, хлопка и нейлона, главным образом для женской одежды — пальто, костюмов, платьев, белья, халатов и купальных костюмов, изготавливаемых на других московских предприятиях. Как и на других предприятиях легкой промышленности Советского Союза, большинство работаю-

Рынок вблизи московского Шелкового комбината имени Свердлова.

щих здесь женщины. В частности, на этой фабрике они составляют 80 процентов от всех работающих.

На фабрике, как и на всех двадцати девяти предприятиях, на которых мне позднее довелось побывать, я свободно осмотрел просторные, сверкающие чистотой помещения, в которых установлено почти шестьсот ткацких станков, из них 30 процентов — автоматические.

— Чем больше у нас автоматики, тем лучше, — заявил председатель фабкома, — у нас недостаток рабочей силы, и автоматика выручает нас, помогает увеличивать объем продукции.

— А что происходит с работницей, которую заменяет автоматика?

— Да ничего, — ответил он. — Она попросту получает другую работу с не меньшей зарплатой и сохраняет свой производственный стаж.

Вступление в профсоюз

Проходя вдоль длинного ряда ткацких станков, я остановился поговорить с одной из работниц, только что заступившей на первую смену.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Валя, — ответила она в микрофон под аккомпанемент равномерного гула машин, впрочем, не столь громкого, как обычно на текстильных фабриках, благодаря хорошей звукоизоляции всего этого здания.

— Когда вы начали здесь работать?

— В 1962 году.

— В том самом году, когда фабрика вступила в действие?

— Да.

— А как вы попали сюда?

— Когда я окончила техникум, я увидела объявление возле нашего дома, что фабрике требуются работницы.

— Был у вас какой-то опыт в этом деле?

— Нет, никакого.

— Какую работу вы здесь выполняете?

— Работаю на этих вот мотально-сновальных машинах.

— Есть у вас тут профсоюзная организация?

Она поглядела на меня так, словно хотела убедиться, не шучу ли я.

— Есть, конечно! Я состою в профсоюзе рабочих текстильной и легкой промышленности. Что еще вас интересует?

— А других профсоюзов нет на этой фабрике?

— Нет, конечно, — ответила она. — У нас у всех один профсоюз.

— А как вы в него вступили?

— Проработав на фабрике несколько дней, я пошла в фабком, написала заявление, вскоре меня приняли в профсоюз, и я получила профсоюзный билет. Вот и все. Очень просто.

Тогда я стал спрашивать: обязательно ли было вступить в профсоюз, чтобы удержаться на этом месте? Пришлось ли ей платить вступительный взнос? Чему равняется ее ежемесячный членский взнос? Вызывали ли ее в партийную организацию при поступлении на работу и не проверяли ли ее в отношении благонадежности? На какие вопросы нужно было ответить при вступлении?

— Да какие там вопросы, — рассмеялась она, а вместе с ней и другие работницы и даже мастера, окружавшие нас из любопытства. — В карточке проставляется имя и фамилия, адрес, указывается место прежней работы, если состоял раньше в профсоюзе, то в каком. Только это. Никакой политики. Вступительный взнос — один процент моего месячного заработка. А ежемесячно я плачу тоже

Валя управляет мотально-сновальными машинами на ультрасовременной ткацкой фабрике текстильного комбината имени Свердлова в Москве. Как все женщины, работающие в советской промышленности, она получает равную плату с мужчинами за равный труд. В определенных отраслях промышленности, как например в текстильной, женщины не только составляют большинство работающих, но и преобладают в руководстве профсоюзными органами. Беременной работнице предоставляется двухмесячный отпуск до рождения ребенка и двухмесячный — после, с полным сохранением ее заработной платы, а также право вернуться на прежнее место работы по истечении декретного свой очередной отпуск и, кроме того, воспользоваться дополнительным трехмесячным отпуском за свой счет при сохранении прежнего места ее работы. В случае послеродовых осложнений врач продлевает ей отпуск по болезни. Беременных женщин запрещено назначать на тяжелую и сверхурочную работу, в ночную смену. Профсоюзы контролируют работу детских оздоровительных учреждений. При этом не допускается никакой дискриминации: все матери равны в правах — замужние, разведенные, матери-одиночки. Я часто слышал, что матери и ребята — «привилегированный класс» в Советском Союзе. Даже случайный наблюдатель может подтвердить справедливость этих слов, побывав в любом уголке Советского Союза.

один процент. Взносы каждый месяц собирает профгрупп-орг.

— А кто они — эти профгруппорги?

— Это наши товарищи. Мы их избираем на профсоюзном собрании, — пояснила Валя.

— Сколько вы зарабатываете? Скажите, кстати, может ли профгруппорг занимать еще какую-нибудь выборную должность? Как именно его избирают?

— У нас у всех в бригаде четвертый разряд, — вежливо вмешалась в наш разговор пожилая работница. — Мы получаем по сто рублей в месяц. Если даже и больше зарабатываем, все равно платим один процент. Так установлено.

От работниц я узнал, что если кто не платит взносы больше трех месяцев, у него могут возникнуть неприятности, его даже могут исключить из профсоюза. При уплате членских взносов в профсоюзный билет наклеивают марки, выпускаемые Государственным банком СССР. Взносы сдаются в кассу первичной профсоюзной организации и расходуются на необходимые нужды, на культурно-бытовые цели...

— Кто следит за правильностью сбора членских взносов? — спросил я.

— Казначей и ревизионная комиссия, которую мы избираем каждый год, — ответила одна из женщин. — Они следят, будьте уверены!

Я заметил моим собеседницам, что, как видно, рядовые члены относятся к своему председателю фабричного комитета так же запросто и непринужденно, как американские рабочие к их профсоюзному руководителю.

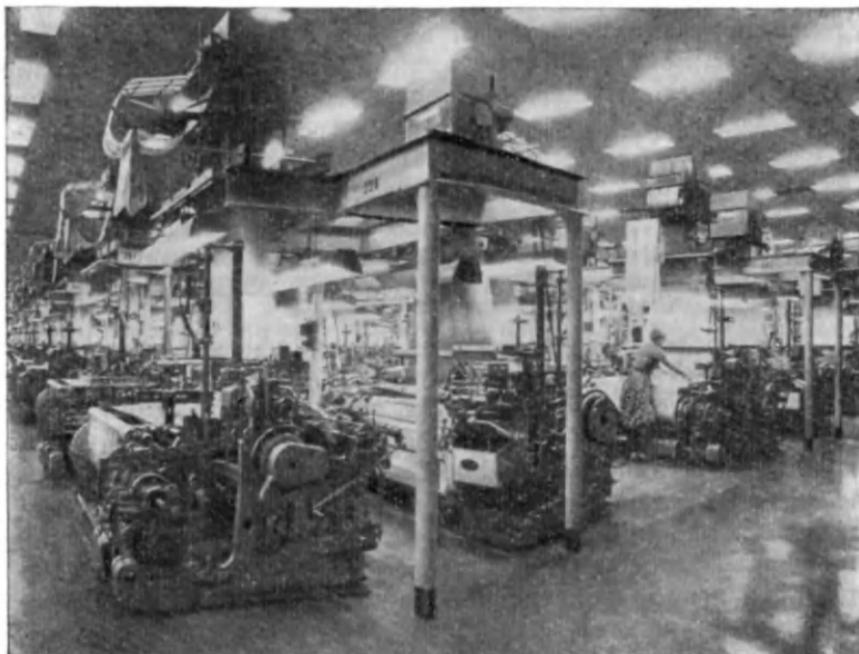
— А как же иначе? — откликнулся проходивший мимо рабочий. — Мы знаем его. Знаем его хорошие и плохие стороны. Почему же не быть с ним запросто? Только потому, что его избрали председателем, так уж нельзя, стало быть, критиковать его и остальных членов комитета?! Вот еще новости!

Такие заявления я слышал всюду, куда бы ни попал, и это довольно точно характеризует атмосферу товарищества на большинстве посещенных мною предприятий.

Один московский текстильщик выразился еще более энергично:

— Будет стараться для нас — хорошо. А не будет — в следующем году дадим ему по шапке!

В первичных профсоюзных организациях пере выборы производятся ежегодно.

На московском Шелковом комбинате имени Свердлова.

— Как часто бывают у вас профсоюзные собрания? — спросил я.

— Довольно часто, — ответила Валя.

— Что вы называете часто?

— Примерно раз в месяц.

За время путешествия мне приходилось присутствовать на многих собраниях профсоюзных организаций, и их строгая периодичность, хорошая посещаемость и весьма активное участие в них рабочих не могли не производить выгодного впечатления.

Наряду с правами, которыми рядовые члены профсоюза пользуются весьма широко, все они имеют определенные и серьезные обязанности. Основная из них, как мне показалось во всяком случае, это выполнение и перевыполнение производственных планов и заданий. Каждый рабочий сознает свою ответственность за выполнение производственных заданий. «Если я перевыполню норму, я получу премию», «Если наша бригада перевыполнит задание, мы все получим премию», — слышал я от всех. Конечно, на каждом предприятии в изобилии развешаны на

стенах воззвания, призывы, лозунги, плакаты. В Ленинграде, в цехе крупной обувной фабрики я видел такой плакат: «Рост производительности труда на один процент в год позволит выпустить дополнительно 2 900 пар обуви».

Я сказал одному из руководителей профсоюзной организации:

— Неужели не приедаются все эти напоминания о производительности труда? Наверное, люди возражают против этого?

Я часто делал такого рода замечания и всегда получал отпор. В Уставе профсоюзов СССР, имеющемся у всех членов профсоюзов, говорится, что каждый рабочий и каждая работница — члены профсоюза обязаны бороться за дальнейший подъем экономики, науки и культуры Советского государства, за выполнение производственных планов и заданий предприятием, цехом, бригадой, за непрерывный рост производительности труда, выявлять недостатки в производственной работе и добиваться их устранения...

Все, с кем я беседовал, — и работающие на поточных линиях рядовые члены профсоюзов, и руководители первичных и республиканских профсоюзных организаций, а также самого Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, — все категорически отрицали, что это означает гонку производства или дает мастеру право выжимать пот из людей.

— Это наш завод! Нам принадлежат средства производства! — был типичный и, очевидно, вполне искренний ответ. — Чем выше производительность, тем больше пользы и нам.

Нравится вам, не нравится — таково общее отношение...

АВТОМАТИЗАЦИЯ

Из наиболее важных проблем советской трудовой жизни самой существенной является, как я заметил, нехватка рабочей силы во всей стране. Особенно остро это ощущается в новых районах, где промышленность только получает широкое развитие. Это помогает понять отношение к проблеме автоматизации, отмеченное мною всюду, где я побывал.

От рядовых рабочих до руководителей профсоюзного движения — все приветствуют автоматизацию, а для меня это было неожиданным, поскольку я привык слышать от американских рабочих другое, продиктованное страхом перед этой «угрозой». Кстати, в Советском Союзе автоматизацию не только приветствуют, но всюду вводят, во все отрасли

тяжелой и легкой промышленности.

В Советском Союзе нет безработицы. Если не считать незначительный процент людей, меняющих свою профессию или занятие, в стране нет постоянных или сезонных увольнений или сокращений значительного количества работающих мужчин и женщин. В связи со строительством новых предприятий и расширением существующих заводов и фабрик в стране ощущается острый недостаток рабочей силы. Задача — найти ее, а не наоборот.

Развивая сеть школ фабрично-заводского обучения и профессионально-технических училищ, которые ежегодно оканчивают сотни тысяч юношей и девушек, большое количество средних и высших учебных заведений, дающих стране квалифицированные кадры, — все эти источники, вместе взятые, не в состоянии удовлетворить потребности промышленности СССР в кадрах. Особенно остро ощущается недостаток в высококвалифицированных специалистах, крайне необходимых для управления поточными механизированными и автоматизированными линиями. Хотя громадное число дипломированных инженеров вливается ежегодно в промышленность (кстати, все они становятся членами профсоюза), постоянно растущая потребность в квалифицированных кадрах не изживается. Если к этому прибавить, что рабочий день сокращен до семи часов, а в некоторых отраслях промышленности до шести и что пенсионный возраст снижен до шестидесяти лет для мужчин и пятидесяти пяти — для женщин, то затруднения с рабочей силой станут еще более очевидными.

И автоматизация — главное здесь спасение.

Я видел несколько цехов-автоматов на крупных предприятиях металлургической, текстильной и кожевенной промышленности, а также на заводе шарикоподшипников. Я привез с собой в США много фотоснимков, сделанных мною в автоматизированных цехах Первого государственного подшипникового завода в Москве. Я показал их ряду профсоюзников АФТ—КПП, специалистов с подшипниковых заводов в районах Чикаго и Милуоки, и они признали советскую автоматизику весьма совершенной.

На крупнейшем металлургическом заводе «Красный Октябрь» в Волгограде я видел в действии автоматические ковши, благодаря которым устраняется необходимость присутствия рабочего там, где, как известно каждому рабочему-металлургу, воздух загрязнен горячими, тошнотворными (и опасными) газами, выделяющимися в процессе загрузки и перемешивания шихты.

На Шелковом комбинате имени Свердлова я беседовал в цехе с рабочими об автоматизации и результатах ее введения на этом новом текстильном предприятии. Они рассказали мне, что, несмотря на внедрение новых автоматических линий, фабрика продолжала набирать рабочих, о чем свидетельствовали объявления «Нужны рабочие...», постоянно вывешиваемые у главного входа.

Председатель фабричного комитета этого комбината сказал:

— Принципы наши следующие: где бы у нас ни вводилась автоматизация или совершенствовалась механизация, ни один рабочий не теряет места,

ни один из них не понижается ни в должности, ни в разряде.

Он показал мне тот пункт коллективного договора, который обязывает администрацию выделять определенный процент своих средств на произ-

водственное обучение новых рабочих, на повышение квалификации кадровых рабочих, а также на приобретение новейшей литературы для пополнения и без того обширной технической библиотеки комбината.

Коллективный договор

Я ехал в Ленинград тем же ночным экспрессом, которым в 1962 году ехал со своей делегацией Джозеф Карен, председатель Национального профсоюза моряков, входящего в АФТ — КПП. У нас с Кареном сложилось мнение, что ехать в этом красивом, безупречно чистом железнодорожном составе — одно удовольствие. По-разному мы оценили лишь спальные удобства: члены его делегации, эти выдавшие виды люди, жаловались, однако, что отлежали себе бока, я же, напротив, всю ночь проспал как убитый под мерный перестук колес стремительно несущегося экспресса.

Не прошло и двух часов с момента прибытия в Ленинград, как я уже спешил на обувную фабрику № 2, большие кирпичные здания которой были возведены в 1930 году. Здесь я услышал подлинно героическую историю этого предприятия, продолжавшего работать на линии фронта все три года блокады Ленинграда. 76 процентов всех работающих здесь составляют женщины.

Когда мы с директором фабрики и председателем фабкома проходили через штамповочный цех, я заметил на доске объявлений сброшюрованные листы, отпечатанные на ротаторе. Не коллективный ли договор?

— Так и есть, — подтвердила высокая, строгого вида женщина, директор фабрики, как видно, дельный администратор, за суровой внешностью которой угадывались доброта и обаяние.

— Когда договор был заключен? — спросил я.

— В прошлом году, — ответила молодая женщина, местный профсоюзный руководитель. — А в ноябре этого года будем его перезаключать.

— Вечно они тычут мне его под нос, — услышал я шутовское замечание директора.

Коллективный договор — это документ, содержащий взаимные обязательства коллектива и администрации предприятия. Он не охватывает всех предприятий одной

отрасли промышленности, как это принято у нас. Наоборот, коллективные договоры носят местный характер, фиксируются взаимные обязательства администрации и фабричного, заводского, местного комитета, законно представляющего работающих на данном предприятии.

Все коллективные договоры содержат так называемую производственную преамбулу относительно взаимных обязательств по выполнению производственных планов и развитию социалистического соревнования, а также пункты, касающиеся механизации, внедрения передовых методов производства. Практика заключения коллективных договоров, как всякое другое значительное явление советского профсоюзного движения, имеет свою историю подъемов и спадов, успехов и неудач, как правило, свойственных развитию.

В коллективных договорах содержатся основные положения по вопросам труда и заработной платы, о порядке применения сверхурочных работ, выплате премий; перечисляются мероприятия по подготовке кадров и повышению квалификации инженерно-технических работников и служащих без отрыва от производства, требования в отношении трудовой дисциплины, охраны труда и техники

Ленинградская обувная фабрика № 2. Во время десятиминутной передышки. Такие десятиминутные перерывы бывают у работниц каждые 3,5 часа. «Так записано в нашем колдоговоре»...

безопасности, а также организации быта, общественного питания и культурного обслуживания.

Ставки зарплаты устанавливаются в масштабе всей страны после и только после всестороннего обсуждения, в которое вовлекаются все профсоюзные организации — от первичных до самых высших — в тесном сотрудничестве с советскими законодательными органами. Когда мне все это подробно объяснили, я вспомнил кучу глупостей, опубликованных в США относительно советских коллективных договоров, неосведомленным авторам которых нечего было сказать, ибо они не знают, как в действительности разрешаются в Советском Союзе вопросы заработной платы. «Рабочие не могут добиться ни копейки путем переговоров с администрацией» — так сформулировал это один влиятельный человек в США.

Просмотрев несколько десятков коллективных договоров предприятий более десяти отраслей промышленности, я понял абсурдность подобного мнения. Помимо непосредственного ведущего участия профсоюзов в работе по установлению ставок заработной платы в масштабе всей страны, в каждом коллективном договоре детально разрабатывается этот вопрос применительно к конкретному предприятию, определяются тарифные сетки и ставки заработной платы соответственно профессиям, условия, до-

Волгоградская электростанция.

пускающие сверхурочные работы, система поощрений и размеры премий столь тщательно и подробно, что это могло бы вполне удовлетворить «заводского юриста» в США (на советских предприятиях тоже имеются юридические консультации).

Как и в некоторых несоциалистических странах, например Великобритании, Франции и Швеции, коллективные договоры не фиксируют продолжительность рабочего дня, оплату отпусков и праздничных дней, пенсионное обеспечение, компенсацию при нетрудоспособности и несчастных случаях и т. п. Все это в Советском Союзе уже много лет отражено в государственном трудовом законодательстве.

Коллективные договоры вывешиваются на видном месте на доске объявлений в каждом цехе предприятия, как мы видели на обувной фабрике № 2 в Ленинграде, Братске и во многих других местах. Полный текст договора, отпечатанный в виде книжечки, ежегодно вручается рабочим. Такие книжечки печатаются на русском языке, но я видел их также и на грузинском, узбекском и других языках.

Коллективный договор защищает интересы всех рабочих без исключения. Каждый договор содержит пункт, подчеркивающий право профсоюза применять судебные или административные меры против дирекции, нарушающей условия коллективного договора. К этому вопросу я вернусь в дальнейшем.

Я привез с собой тексты нескольких коллективных договоров, которые будут полностью опубликованы в моей следующей книге, посвященной жизни советских трудящихся. То, что коллективный договор является эффективным орудием в деятельности советских профсоюзов, — установленный и жизненно важный факт советской действительности.

Профсоюзный комитет

Профсоюзная первичная организация — основа советского профсоюзного движения, и, как я мог убедиться, всюду — от Москвы до Сибири — функции, стиль работы и роль этой основы советского профсоюзного движения совершенно одинаковы.

В пределах данной профсоюзной организации профсоюзные комитеты — фабком, завком, местком — являются его исполнительными, юридическими рычагами, это выс-

шая инстанция для цеховых комитетов. Профсоюзные комитеты различны по численности в зависимости от количества работающих на данном предприятии. В комитетах на крупных заводах и фабриках числится, как я заметил, до 20—30 человек.

Порядок выборов комитета такой. На небольших предприятиях с количеством работающих, например, 200 человек комитет избирается на собраниях путем прямого и тайного голосования; на крупных предприятиях, цехи которых находятся на значительном расстоянии друг от друга, профсоюзный комитет избирается, как и в США, на общезаводской профсоюзной конференции, делегаты на которую избираются в цехах путем прямого и тайного голосования. Я установил, что многие аспекты профсоюзной выборной кампании на советских предприятиях соответствуют таковым на больших промышленных предприятиях в США, на которых имеются профсоюзы, входящие в КПП.

Мне рассказали, что о выборах независимо от масштабов организации члены профсоюза должны быть оповещены не менее чем за десять дней. Так, на оптико-ме-

На встрече с работниками Ленинградского оптико-механического завода. Крайний справа — председатель завкома, женщина рядом с ним — депутат городского Совета, третий справа — директор завода. Автор (крайний слева) делает записи...

ханическом заводе в Ленинграде, где я провел целый день, знакомясь с работой профсоюзного комитета, я видел много объявлений о предстоящих выборах, развешанных по всему заводу.

Собрания, на которых происходит выдвижение кандидатур, отличаются активностью и откровенностью высказываний, порой безжалостно критических. Достоинства и недостатки кандидатов в профсоюзный комитет, а также делегатов на профсоюзную конференцию по выборам в вышестоящий профсоюзный орган обсуждаются открыто и всесторонне. По уставу для кворума требуется присутствие не менее двух третей членов профсоюза данной организации. Прежде я думал, что, поскольку профсоюзы являются крупнейшей массовой общественной организацией Советского Союза, Коммунистическая партия доминирует при выборах в профорганы. На деле оказалось, что для этого совсем не обязательно быть членом Коммунистической партии. Я увидел много беспартийных среди председателей завкомов, их заместителей и членов комитетов.

Председатель профсоюзного комитета в Байкальском научно-исследовательском институте, насчитывающем 300 сотрудников, беспартийный и, как он сам мне рассказал, был жертвой репрессий во времена культа личности Сталина. Он был сослан на десять лет в лагерь на Крайнем Севере.

Это выдержанный человек, талантливый геолог, к тому же и альпинист. Ему уже за пятьдесят, хотя по виду дашь не больше сорока.

Как-то во время прогулки по горам необычайной красоты, что у озера Байкал, мы долго и взволнованно разговаривали, и я спросил его, не озлобило ли его то, что с ним произошло.

— И да, и нет, — ответил он сдержанно. — Самым тяжелым для меня было то, что меня оторвали от семьи, но это также отразилось и на моей работе.

Неужели случившееся его несколько не разочаровало в социалистической системе, задал я ему вопрос.

— Я никогда не терял веры в социализм за все те годы, что добывал торф на Севере. Никогда! — горячо повторил он. — Я никогда не состоял в партии, тем не менее изучаю марксизм-ленинизм. Я вернулся к своей семье и к своему делу. Мои сотрудники неоднократно доказывали, что не теряли веру в меня.

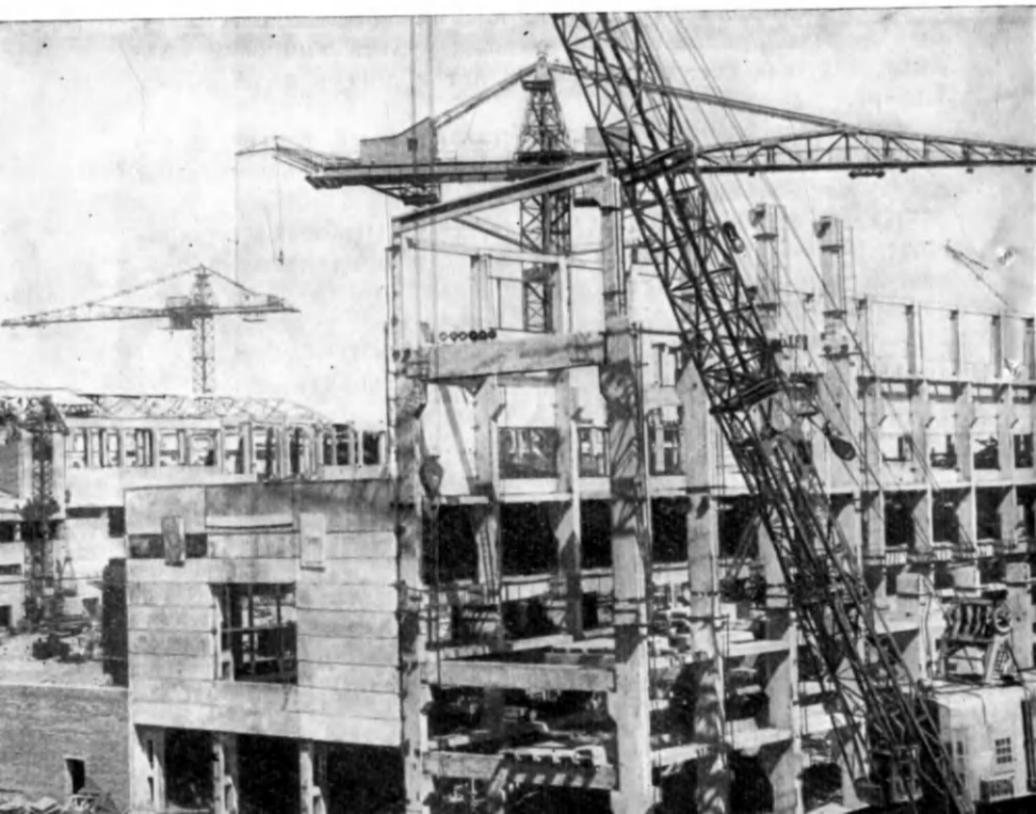
Кроме этого председателя профсоюзного комитета

Байкальского института, я повидал много беспартийных профсоюзных руководителей и в основных отраслях промышленности. На двадцати девяти предприятиях, где я вел продолжительные и очень откровенные беседы, оказалось, что более половины всех членов фабзавместкомов, а по моим расчетам 63 процента, были беспартийными.

Профсоюзный комитет как исполнитель воли рабочих несет ответственность за переговоры с администрацией и заключение коллективных договоров, проводит производственные совещания, следит за соблюдением трудового законодательства на предприятии в целом и на каждом рабочем месте, руководит всеми начинаниями профсоюзной организации на предприятии и за его пределами.

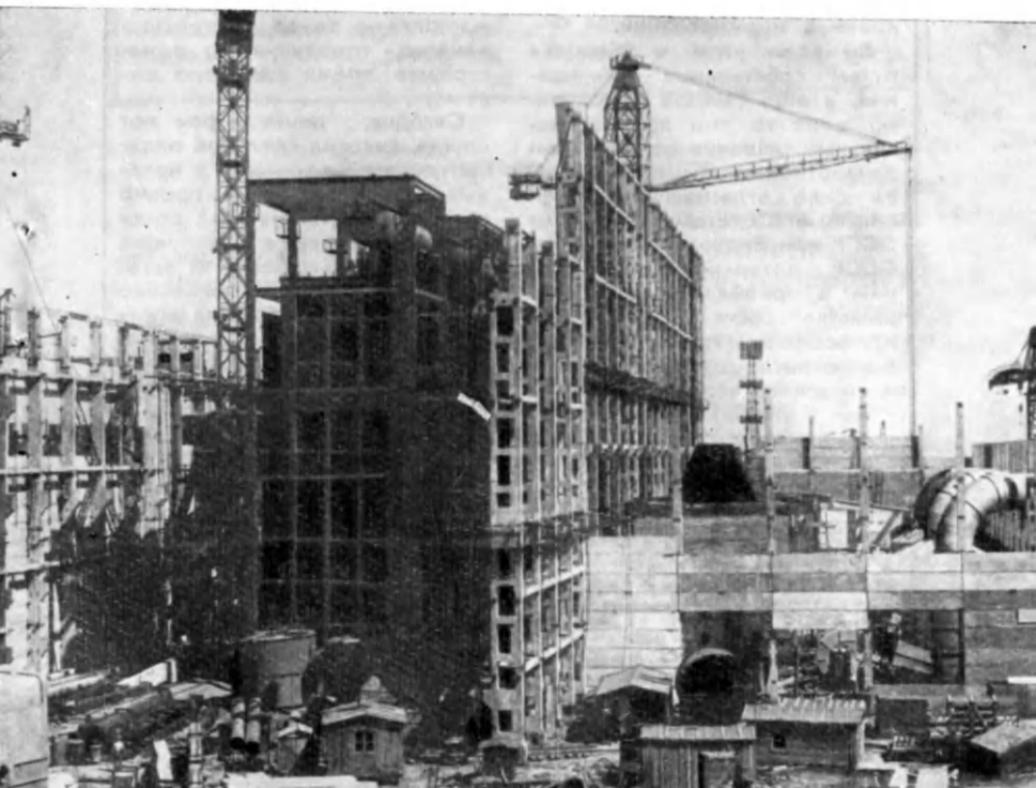
В каждом профсоюзном комитете существует несколько комиссий, между которыми распределяются обязанно-

В легендарной сибирской тайге встают гигантские корпуса комбината по переработке древесины. Здесь тысячи молодых людей, средний возраст которых 25 лет, — инженеров, техников, научных работников — вместе с рабочими воздвигли эти корпуса менее чем за три года...

сти. На первом заседании вновь избранного фабричного, заводского или местного комитета членам комитета поручается работа в комиссиях: производственно-массовой, по охране труда, социальному страхованию, культурно-массовой и спортивной работы, жилищно-бытовой (в ведении которой находятся, помимо прочего, вопросы общественного питания, транспорта и т. п.), по работе среди детей и подростков, отвечающей, в частности, за устройство в ясли и детские сады детей, матери которых работают.

Актив этих комиссий комплектуется из добровольцев — рядовых членов профсоюза. Нередко ФЭМК, располагающие на крупных предприятиях большими средствами, приглашают платных работников-профессионалов: инструкторов спорта, культработников и пр. Кстати, эти работники становятся тоже членами профсоюзной орга-

низации, которая включает их в свой состав, и они приобретают те же права и несут те же обязанности, что и производственники.

Я спросил заместителя председателя фабкома профсоюза прославленного текстильного комбината в Ташкенте, в чем основное содержание ее работы.

— Первое — защищать интересы членов нашей организации, второе — вовлекать как можно больше рабочих в управление производством, — не колеблясь, ответила мне эта женщина.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

В разговорах со мной представители советских профсоюзов неоднократно подчеркивали, что советские профсоюзы в тесном сотрудничестве с государственными плановыми и финансовыми органами определяют фонды и системы заработной платы для всей страны и всех отраслей народного хозяйства, устанавливают заработную плату, имеют широкие права в нормировании.

Во всем этом я убедился путем собственных наблюдений, а еще больше обрадовало меня то, что все окончательные решения по вопросам заработной платы принимаются после согласования с профсоюзами Советом Министров СССР или Верховным Советом СССР, который, между прочим, в преобладающем большинстве состоит из членов профсоюзов, представляющих все отрасли промышленности и сельского хозяйства.

Как я уже отмечал, большая часть рабочих оплачивается по сдельным тарифным ставкам. Даже те из американцев, которые наиболее сочувственно восприняли Октябрьскую революцию, не предполагали, что эта поощрительная система оплаты труда укоренится так прочно.

«...И все же система сдель-

ной оплаты труда в России рассматривается только как временная необходимость, — писал Роберт Данн в своей книге «Советские профсоюзы», изданной в 1927 году и до сих пор не утратившей своей ценности, — профсоюзные руководители уверены, что с механизацией промышленности и упрочением спаянности между рабочими повременная система оплаты труда постепенно заменит практикуемую в настоящее время сдельную систему».

Сегодня, почти сорок лет спустя, система сдельной оплаты труда превратилась в чрезвычайно сложную и прочно утвердившуюся. На этой основе выплачивается зарплата большей части рабочих. Я установил, что имеется несколько тарифных сеток, причем соотношение в пределах одной и той же отрасли примерно один к двум с половиной. Во всех местах, которые я посетил, я слышал, что предпринимаются постоянные усилия, чтобы уменьшить этот разрыв.

Мои наблюдения подсказывают мне, что для этого предстоит еще многое сделать. Среди наиболее высокооплачиваемых рабочих угольной, горнорудной и металлургической промышленности я встре-

чал таких, которые вместе с премиальными зарабатывали в четыре-пять раз больше неквалифицированного рабочего, хотя большинство высококвалифицированных рабочих, техников и инженеров зарабатывали примерно в два-три раза больше. Разумеется, в Сибири и в других отдаленных районах, в трудных климатических условиях рабочие оплачиваются значительно выше, получают надбавки.

У меня не вызывает сомнения, что вопросы по урегулированию заработной платы, определению тарифов и разрядов, установлению премий находятся в ведении профсоюзов. Это было совершенно ясно.

Перевод по официальному курсу советских рублей в доллары (1 рубль — 1 доллар 11 центов) не поможет создать правильную картину заработной платы советского рабочего. Неправильно будет рассматривать заработную плату изолированно от других привходящих условий, таких, как

недорогое жилье со множеством недорого оплачиваемых коммунальных услуг, бесплатное медицинское обслуживание и лечение в больницах, оплата декретных отпусков женщинам и выплата пособий многодетным семьям, бесплатное обучение, оплачиваемые отпуска, ширится сеть яслей и детских садов, за пребывание детей в которых родители оплачивают незначительный процент стоимости содержания. Рядовые рабочие, с которыми я встречался, считают это частью своей заработной платы.

Социалистический принцип «кто не работает, тот не ест», как и другой — «от каждого по способностям, каждому по его труду», видимо, прочно вошли в советский быт. Тем не менее система организации заработной платы в СССР, без сомнения, еще в процессе совершенствования. Подтверждение этой мысли я неоднократно слышал и от самих трудящихся.

Защита интересов рабочего

Везде, где только можно, я пытался выяснить, прочно ли защищены интересы рядового рабочего в отношениях с администрацией. Небольшой объем моей брошюры не позволяет полностью осветить этот вопрос, но я приведу случаи, которые помогут читателю понять эту важную сторону трудовой жизни советского человека.

Мне повезло в том отношении, что удалось присутствовать на нескольких производственных совещаниях: на металлургических заводах, на оптико-механическом заводе, на кондитерской фабрике. Такие совещания обычно проводятся в цехах каждую неделю. Их, как правило, ведет один из руководителей профсоюза, хотя рядом с ним сидят представители администрации (нередко директор, его заместитель или начальник цеха) и партийной организации.

Совещания, на которых я присутствовал, проводились в некоем соответствии с формой, изложенной в «Правилах ведения собрания» Робертса¹. На совещании собирались все рабочие без исключения, и, чтобы обеспечить такую 100-процентную явку, их проводили перед концом первой смены и началом второй.

Я видел, что на этих совещаниях допускается не только свободное обсуждение, но и серьезная, даже суровая критика. Например, в Рустави, в Грузии, на металлургическом заводе, где я присутствовал на производственном совещании, выступили пять-шесть рабочих. Они задали хорошую трепку начальнику цеха за то, что тот не сумел вовремя обеспечить цех запасными частями. И после их выступлений председатель еще несколько раз повторял:

— Так. Кто желает что-нибудь добавить? Пожалуйста, высказывайтесь. Для этого мы здесь и собрались.

Критические выступления продолжались целый час. Под конец поднялся высокий крепыш сталепрокатчик и горячо проговорил:

— Мы хотим предупредить его, если не будет запасных частей, добьемся, чтоб его убрали отсюда!

Я поглядывал на незадачливого начальника цеха, которого все так пробирали. Вид у него был весьма удрученный. После собрания я сказал ему:

— Не очень-то приятно вам все это выслушивать!

— Да,— согласился он,— но самое обидное то, что я сам был рабочим в этом же цехе, трудился бок о бок с этими людьми!

— А вас никогда не тянет уйти с должности начальника и вернуться в цех на рядовую работу?

Начальник был молодой красивый смуглый грузин с шапкой темных волос и черными глазами. Он задумчиво улыбнулся, сверкнув белыми зубами из-под густых усов:

— Иногда тянет. Но руководить производством — дело ответственное, важное. Я лажу с рабочими, мы работаем вместе, я стараюсь исправлять недостатки, на которые они указывают.

Я посетил достаточно много таких собраний, совещаний, чтобы понять, насколько твердо убеждены советские рабочие в праве профсоюза добиваться увольнения неподходящего начальника. С другой стороны, ни один рабочий не может быть уволен с производства без согласия

¹ Один из наиболее распространенных в капиталистических странах Запада порядок ведения собраний. (Ред.)

профсоюза, что видно из того, как независимо чувствуют себя рядовые рабочие. Я ознакомился с очень многими случаями такого рода и не раз вел беседы с людьми, которые сами были объектами разбирательства.

Более того, мне стало совершенно ясно, что профсоюзы властны не только высказывать недовольство: их рекомендации равносильны указаниям, с которыми обязана считаться администрация. На одном заседании культурно-массовой комиссии фабкома Ташкентского текстильного комбината при мне многие выступавшие повторяли требование отремонтировать отопительную систему Дворца культуры комбината, который за неделю посещают до 14 тысяч рабочих. Говорилось примерно так: «...Пусть директор лучше закончит ремонт до декабря, иначе у него возникнут серьезные неприятности... Это его обязанность!»

Все это время директор крупнейшего текстильного комбината сидел с вытянутым лицом, кивал головой в знак согласия, что выполнит эти требования.

Мне говорили, да я и сам читал об этом, что за последние годы — после Указа Президиума Верховного Совета СССР 1958 года¹ — значительно расширены права фабрично-заводских и местных комитетов, особенно в сфере производства и управления. Если этим объясняются факты, подмеченные мною на местах, то нельзя не признать, что за столь короткий срок фабзавместкомы стали еще более активной силой советских профсоюзов.

Низовым звеном первичной профсоюзной организации предприятий и учреждений является профгруппа, например, в рабочей бригаде. В соответствии с производственным профилем любая бригада может состоять из сварщиков, подсобных рабочих, токарей, наладчиков или слесарей. Число работающих в ней может меняться в зависимости от ее назначения. В такой бригаде, если в ней организована профгруппа, избирается сроком на один год организатор, так называемый профгруппорг.

Профгруппорг не является представителем фабрично-заводского комитета. Работу его можно, пожалуй, сравнить с работой цехового профсоюзного старосты на американском производстве. Однако в Советском Союзе деятельность профгруппорга более активна и многообразна.

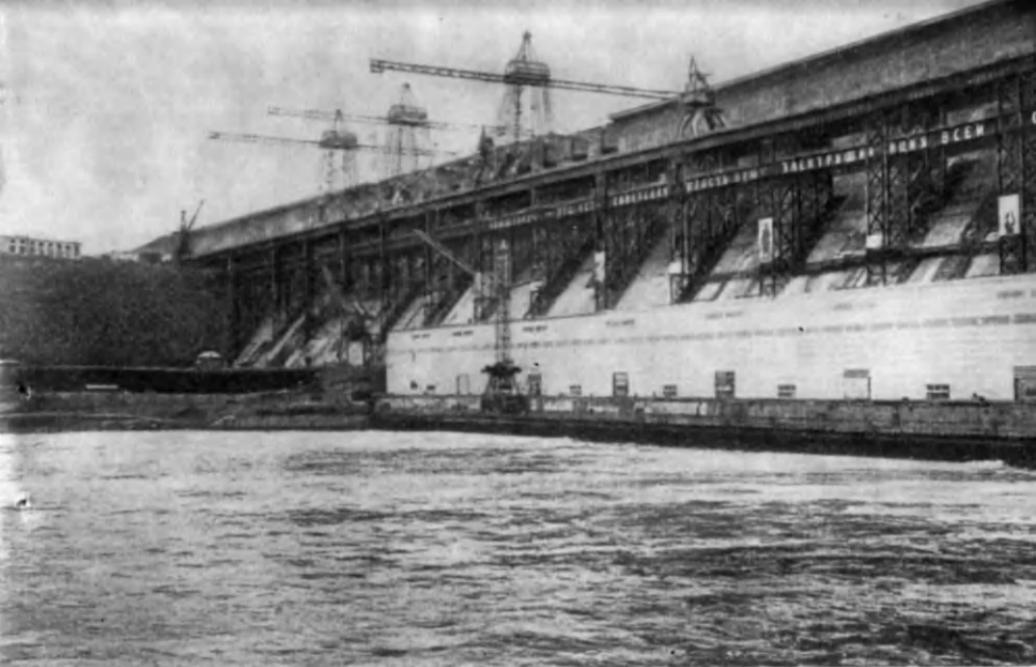
¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР законодательно закрепил расширение функций и прав ФЗМК в управлении производством. (Ред.)

Бригадный метод — организационный принцип работы большей части рабочих на промышленных предприятиях. Рабочие объединяются в группы по характеру своей трудовой деятельности в зависимости от требований производства. Бригады работают таким образом, чтобы росла производительность труда каждого ее члена и в соответствии с этим увеличивалась бы его зарплата. Рабочей группе или бригаде, члены которой не только отлично трудятся, но стараются быть также примером в быту, повышают свой культурный и образовательный уровень, присваивается высокое звание «Бригада коммунистического труда».

Чтобы стать членом такого коллектива, не обязательно быть членом КПСС. Обычно члены бригады — лучшие производственники, и заработная плата их высокая. Они получают премии не автоматически за то, что их бригада носит высокое звание. Каждый член бригады старается улучшить работу и тем способствует получению премий остальными ее членами. На фото — бригада коммунистического труда Ленинградского оптико-механического завода. Американский гость в центре.

Эта бригада называется также интернациональной. Справа — рабочий из Египта. На одном из оптических заводов в Египте работает советский рабочий. Так Советский Союз на практике осуществляет систему обмена со многими социалистическими и капиталистическими странами. В период работы на советском предприятии иностранный рабочий пользуется равными правами с советскими рабочими, включая право вступать в профсоюз и участвовать в выборах. Ему гарантируется равная с советскими рабочими заработная плата, разряд и зичет производственного стажа. Я встречал такие интернациональные рабочие бригады и в других крупных городах.

Братск. Величайшая в мире гидроэлектростанция в сердце Сибири.

На всех предприятиях, которые я посетил, я задавал один и тот же вопрос:

— Много ли жалоб поступает к вам от рабочих?

— Накопление жалоб для нас нетерпимо, — сказал мне профгруппорг, с которым я беседовал в Алма-Ате, Казахская ССР.

Я заметил, что, подобно тому как советская медицина усиленно занимается профилактикой заболеваний, так и советские профсоюзы тоже занимаются своеобразной профилактикой, тщательно следя — только не за пациентом, а за выполнением колдоговоров. Систематически профсоюзные комитеты проверяют совместно с представителями администрации ход выполнения колдоговора. Ежеквартально проводятся совещания фабрично-заводского комитета с администрацией данного предприятия при участии профгруппоргов.

— Таким путем нам часто удается уладить тот или иной вопрос раньше, чем он перерастает в открытый конфликт, — заявляли некоторые из профсоюзных работников.

Профгруппорг — это и есть та первая инстанция, в

Московский завод малолитражных автомобилей. Дневная продукция...

которую обращается недовольный чем-либо рабочий. Письменного заявления при этом не требуется.

— Ну, а если рабочий не удовлетворится решением этой инстанции? — задал я вопрос.

— В таком случае он вместе с профгруппоргом обращается в ФЗМК, — пояснили мне.

— А если и это не возымеет действия?

— Тогда собирается комиссия по трудовым спорам фабрично-заводского комитета совместно с представителями администрации.

— Рабочий может лично принимать участие в рассмотрении его вопроса на всех стадиях разбирательства. Если комиссия по трудовым спорам окажется не в состоянии уладить данный вопрос, она представляет свой доклад в письменном виде на рассмотрение фабрично-заводского комитета, — рассказывали мне. — Не удовлетворен-

ный решением профсоюзного комитета рабочий может подать жалобу в народный суд.

Совершенно ясно и то, что администрация не может уволить рабочего или служащего (не по собственному их желанию) без согласия профсоюзного комитета. Я слышал рассказы об этом со всех сторон и не сомневаюсь в их правдивости, поскольку исходили они от рядовых рабочих, принимающих это как твердо установившийся порядок их трудовой жизни.

Как-то я провел вечер в московском Дворце культуры с группой рабочих завода малолитражных автомобилей. Один из них рассказал мне целую историю, как однажды кто-то пустил конвейер быстрее положенного.

— Возможно, это сделал кто-то, желая выслужиться, — сказал он.

— И что же произошло?

— Профгруппорг вызвал на место происшествия общественного инспектора по охране труда, вызвали директора. На несколько часов приостановилась работа. Но мы действовали по праву. Комиссия установила завышенную скорость конвейера. Мы так и не сумели узнать, кто был виновником этого, а если бы узнали, непременно вышвырнули бы его с работы!

— По законам советские профсоюзы не лишены права на забастовки, — заявляют представители профсоюзного движения. Так мне объясняли всюду, поскольку я этим неизменно интересовался.

Но советские люди не скрывают, что их отношение к вопросу о стачках в корне отлично от нашего. Чаще всего на мои вопросы они реагировали следующим образом:

— Бастовать? Против кого? Против самих себя? Мы можем добиться всего, что нам нужно, и без забастовки. Нам принадлежат все средства производства. Зачем же бастовать против самих себя?!

Эти ответы звучали для меня как-то чересчур гладко. Но потом я слышал еще рассказы о таких остановках в работе, как на заводе малолитражных автомобилей, откровенные жалобы на бюрократизм, волокиту, которые еще не чужды, как видно, советским предприятиям и учреждениям. Я собственными ушами слышал на разных заводах претензии относительно неудовлетворительного снабжения запасными частями, инструментом, а существование комиссии по трудовым спорам, разбирающей конфликты по заработной плате, увольнению и переводам, уже само говорит о том, что конфликты имеют место.

Однако если конфликты и существуют, то существуют они при совершенно иной экономической системе, нежели та, при которой живут американцы. Когда я сказал рабочим-металлургам в Рустави, что общеамериканские забастовки автомобилестроителей и сталелитейщиков (я имел в виду забастовку первых в 1964 году и вторых в 1959 году) не были направлены против национальных интересов США, я вызвал этим горячий спор, который, хотя ни к чему и не привел, однако выявил существенное различие в моем и их понимании вопроса о стачках.

Размеры брошюры не позволяют мне описать все многочисленные встречи в разных местах Советского Союза с общественными инспекторами по охране труда. Это авторитетные люди, осуществляющие контроль за соблюдением правил техники безопасности и промышленной гигиены. Обычно общественные инспектора занимаются этой деятельностью в нерабочее время. Обо всех замеченных ими нарушениях они ставят в известность профсоюзный комитет и администрацию. Общественный инспектор обладает большими полномочиями: по его требованию может быть приостановлена работа на отдельных участках производства или на всем заводе, если он обнаружил там угрожающие неполадки. Общественные инспектора, как я убедился, уважаемые всеми работниками — мужчины и женщины.

В соответствии с трудовым законодательством, существующим в СССР, все рабочие и служащие, выполняющие одинакового рода работу, независимо от пола, вероисповедания, расовой, этнической и национальной принадлежности пользуются одинаковыми правами и получают одинаковую плату. Одним из моих самых положительных впечатлений от жизни советских трудящихся было то, что

Видавшие виды ребята — лесозаготовители Сибири — отвечают автору на его трудные вопросы.

этот принцип неукоснительно осуществляется в действительности. Это настолько вошло в обычай, что стало привычным фактом их жизни. В некоторых областях деятельности, например в медицине и в системе образования, преобладают женщины. В ряде отраслей легкой промышленности (особенно ярко это сказывается в текстильной) женщин — подавляющее большинство. Они руководят профсоюзными комитетами и заправляют делами с полным и естественным сознанием своего равенства с мужчинами.

О развитии советской формы организации промышленности и, что еще более неопровержимо, о степени участия в этом широких масс трудящихся говорят основные статистические данные, полученные мною в ВЦСПС. Они подчеркивают рост того, что советские люди называют демократизмом профсоюзов.

Это определяет и все возрастающее вовлечение народных масс в управление производством, регулирование условий их труда, который заполняет основную часть их жизни. Это имеет политические последствия, ибо такого рода участие трудящихся в управлении производством делает их сильными.

...Деятельность профсоюзов может оказывать влияние на положение трудящегося на предприятии или затрагивать его интересы в социально-культурной области как обитателя жилого дома, покупателя в магазине, пациента в санатории или участника самодеятельного драматического кружка. Многосторонность деятельности советских профсоюзов не может не поражать всякого приезжего, который имел возможность несколько отклониться от проторенного пути и вкратце ознакомиться с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями.

Из доклада Международного бюро труда «Положение профсоюзов в СССР», 1960 г.

СРЕДИ ТРУДЯЩИХСЯ

Советские профсоюзы занимаются не только вопросами продолжительности рабочего дня, заработной платы, условиями труда на предприятиях и в учреждениях. Они, кроме того, активно участвуют в деятельности, которая в нашем представлении не имеет прямого отношения к профсоюзам. У нас эта область предоставлена частной инициативе или служит полем деятельности властей городов и штатов, а иногда — федерального правительства США. В СССР же она относится к профсоюзам и целиком и полностью управляется ими.

Один американский профработник, побывавший в Советском Союзе, незадолго до моей поездки говорил мне:

— Вы узнаете там очень обо многом. Кое-что вам понравится, кое-что — нет. Но в одном вы убедитесь наверняка, это так же верно, как дважды два четыре: профсоюзы там действительно управляют всем.

Основываясь на собственном опыте, я с этим согласиться не могу. В советском обществе всем руководят правительство и Коммунистическая партия. Однако, действительно, как уверял меня американский профработник, я убедился в том, что советские профсоюзы ведут многостороннюю деятельность.

Все, что касается социального страхования, пенсионного обеспечения, развития сети здравниц, находится в ру-

Молодой председатель фабкома, гость из США и директор одной из крупнейших в Советском Союзе обувных фабрик у входа в детский сад, принадлежащий фабрике.

как профсоюзов. В вопросах жилищного строительства, культурно-бытового обслуживания, образования, организации детских учреждений (садов и яслей) и пионерских лагерей, в развертывании культурно-массовой и спортивной работы, налаживании общественного питания и т. д. профсоюзы играют решающую роль как на производстве, так и в быту.

Необходимо помнить несколько основных моментов, когда мы говорим об этой силе профсоюзов. Первое, что в сферу их деятельности вовлечены миллионы людей — не больше не меньше, как почти все трудящиеся Советского Союза! Второе, что в это вкладываются очень большие средства. Третье, что профсоюзы сами выступают и в роли нанимателя, привлекая на штатную работу десятки тысяч квалифицированных специалистов, которые управляют этой грандиозной по масштабам деятельностью. На меня произвела яркое впечатление сила профсоюзов на производстве и в учреждениях, но, скажу по правде, я был потрясен той огромной ролью, которую профсоюзы играют в жизни советского общества в самом широком смысле этого слова.

Жилища для десятков миллионов

«Ни одной нации во всей истории войн не был причинен такой ущерб, как Советскому Союзу в ходе второй мировой войны, — говорил покойный президент США Джон Ф. Кеннеди. — В стране погибло около 20 миллионов человек, разграблены и сожжены миллионы жилищ, и треть территории, на которой было размещено две трети ее промышленного потенциала, превращена в пустыню. Подобные разрушения могли быть равнозначны потере Соединенными Штатами всего, что расположено к востоку от Чикаго».

Геркулесов труд — обеспечить жильем десятки миллионов граждан — взяло на себя Советское правительство в тесном сотрудничестве с профсоюзами, которые непосредственно участвуют в распределении жилого фонда на всей территории Советского Союза. Основные фонды для жилищного строительства отпускаются и распределяются через республиканские, областные и местные Советы.

В Волгограде, разрушенном во время исторической Сталинградской битвы, я посетил новый жилой район при металлургическом заводе «Красный Октябрь».

Жилищная комиссия завкома составляет списки наиболее нуждающихся в площади и определяет их очередность, участвуя в распределении квартир по мере сдачи домов в эксплуатацию. При этом принимаются во внимание острота потребности в жилье и производственный стаж работающего, а не сумма его заработка. Профсоюзные организации Волгограда не только участвовали в распределении жилья, но и помогали получать ссуды и строительные материалы лицам, ведущим индивидуальное строительство.

Новые квартиры состоят, как правило, из двух-трех просторных, светлых комнат, прихожей, кухни, ванной и туалета и двух стальных шкафов. Я заметил, что в Москве, Ленинграде и других городах европейской части СССР, пострадавших от разрушений военного времени, в старых домах люди живут в большой тесноте: по несколько семей в одной квартире. Но там, где ведется новое промышленное и жилищное строительство, например, в Сибири, жилищные условия неизмеримо лучше.

Весь Советский Союз — гигантская строительная площадка. Куда бы вы ни приехали, везде растут новые дома. Кстати, квартирная плата настолько низка, что трудно

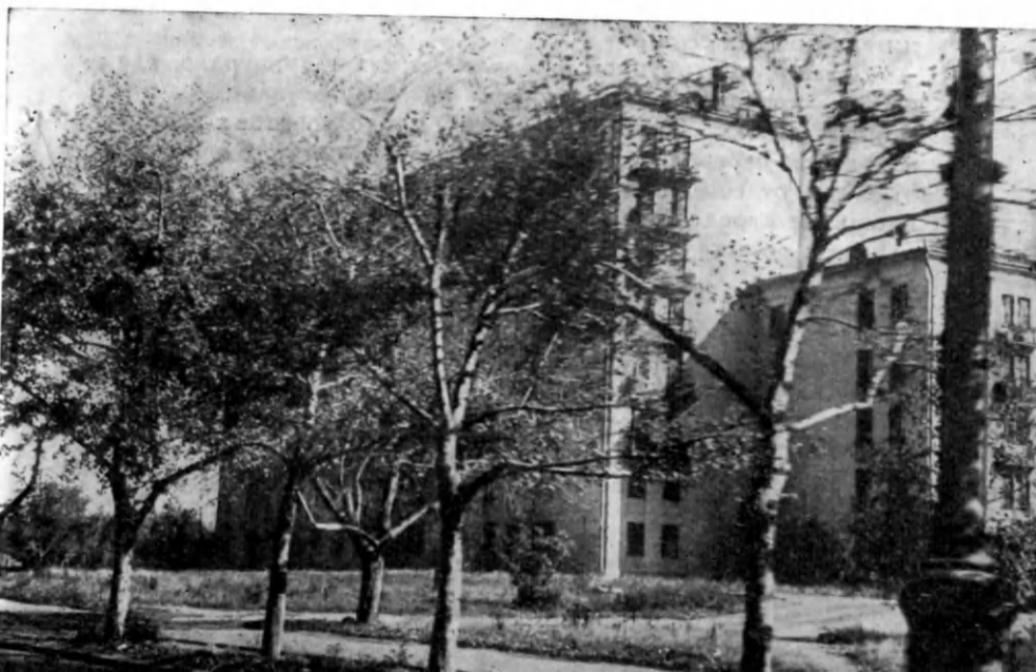
этому поверить. На оплату обычной квартиры, такой, как описана выше, рабочая семья расходует примерно 5 процентов месячного заработка.

Во время посещения скромной, но уютной квартиры Пименовых (глава семьи — руководитель бригады коммунистического труда в сталепрокатном цехе завода «Красный Октябрь» в Волгограде) я поинтересовался, сколько они за нее платят.

— Одиннадцать рублей в месяц, — ответила хозяйка.

Почти во всех новых квартирах я видел небольшие холодильники и двух-, четырехконфорочные газовые плиты. Во многих, правда не во всех, установлены телевизоры. Что же касается таких предметов, как например новейшие телевизоры, принимающие цветные программы, какими пользуются члены американских профсоюзов у себя дома, то у советских людей они еще только начинают входить в быт. Профсоюзные руководители, с которыми я беседовал, предполагают, что, если не случится ничего непредвиденного, к 1970 году производство товаров широкого потребления возрастет настолько, что рядовые рабочие будут все это иметь. Так ли это — еще будет видно, но одно можно сказать с уверенностью, что в этом направлении работают, и довольно упорно.

Типичный городской жилой массив. Москва...

Я спросил госпожу Пименову, во сколько ей обходится питание, стирка белья, разъезды, обучение детей, медицинское обслуживание и тому подобное. Она напомнила мне, что образование и медицинское обслуживание у них бесплатны. Также и некоторые культурные блага.

— Я трачу в месяц около ста сорока пяти рублей, — сказала она.

Муж этой женщины получает 200 рублей в месяц, с премиальными зарплата его составляет 240—270 рублей.

Я познакомился и с их соседями — супругами помоложе, работающими в каком-то другом месте. Они занимают однокомнатную квартиру с такими же удобствами, как у Пименовых, и платят за нее 7 рублей в месяц.

В районах Советского Союза, которые я посетил, я всюду обнаружил подобную систему квартирной платы и оплаты коммунальных услуг.

Дети

Молодые родители, ранним утром спешащие с ребятами в ясли и детские сады, — обычная картина, характерная для любого советского города. Ясли и детские сады, как правило, расположены в удобных, светлых и просторных помещениях и обслуживаются опытным персоналом, в подборе которого, к слову сказать, принимают участие и профсоюзные организации. В таких детских учреждениях я часто встречал квалифицированных врачей и медицинских сестер.

Детский сад обувной фабрики № 2 в Ленинграде, где ребята проводят день, похож на все остальные, виденные мною. Это просторное продолговатое здание находится через два дома от фабрики, но территория его отделена от соседних домов и фабричных зданий. На площадке перед домом устроены качели, всякого рода качалки, домики-беседки в виде грибов. Здесь малыши играют.

— Все как в сказке, — улыбаясь, заметила директор фабрики.

Деревянные горки и лабиринты, где дети резвятся и бегают, окрашены в нежные тона. Помещение сада также окрашено в светлые тона и содержится в безукоризненной чистоте. Как это принято, посетители, входя сюда, надевают чистые белые халаты, а иногда и марлевые маски, чтобы предохранить детей от инфекции. Везде цветы в горшках и вазах.

Я видел в этом детском саду несколько столовых для детей, хорошо обставленные спальные комнаты, где дети спят после обеда. Все комнаты светлые, с высокими потолками и, как принято везде в России, с двойными рамами в окнах. Молодая женщина, директор сада, усиленно подчеркивала, что они придают большое значение свежему воздуху.

— Как вы видите, — говорила она, — дети спят у нас с открытыми окнами, как на веранде.

В детском саду 150 ребят различного возраста. По возрасту они распределены на пять групп. Их родители, работающие на обувной фабрике, приводят их туда на день или оставляют на всю неделю, забирая домой каждый вечер или только на воскресенье. На содержание одного ребенка в саду тратится 58 рублей в месяц, но родители платят от 4 до 12 рублей в зависимости от месячного заработка. Остальное доплачивается из средств государственного бюджета.

Опытные воспитательницы учат детей рисованию, иностранным языкам, играют с ними, прививают навыки чтения. Для детей устраиваются праздники, и они с удовольствием распевают песни и декламируют стихи. В детском саду завода «Красный Октябрь» в Волгограде ребячий хор из двухсот голосов, нестройно исполнивший песенку в честь моего дня рождения, позволил мне снова почувствовать себя молодым.

Детский сад обувной фабрики в Ленинграде, построенный в одно время с ней, в 1930 году, был полностью разрушен в годы фашистской блокады. После войны его отстроили заново.

В детском саду...

Пионерлагерь «Артек» расположился у подножия горы, спускающейся к Черному морю.

— Некоторые из наших питомцев успели вырасти, пошли работать на фабрику, а теперь приводят к нам своих ребятишек, — с явной гордостью сказала мне директор детского сада.

Летом большинство детей выезжает с садом на дачу в окрестности Ленинграда. Там в лесу на берегу озера они проводят два с половиной месяца. Стоимость летнего отдыха детей оплачивается государством.

Я спросил директора, каков ее оклад.

— Девяносто рублей в месяц, — ответила она. — Я состою в профсоюзной организации фабрики, являюсь членом профсоюза текстильной и легкой промышленности.

Одним из наиболее ярких моментов моей поездки по Советскому Союзу было посещение пионерского лагеря «Артек» на Южном берегу Крыма. Чудесный лагерь этот расположен у подножия скалистой горы, спускающейся в самое море. Этот старейший из пионерских лагерей в Советском Союзе основан в 1925 году и находится в ведении Министерства здравоохранения и советских профсоюзов. В стране насчитываются тысячи пионерских лагерей, расположенных в разных ее уголках. Профсоюзы не только руководят их деятельностью, но и частично финансируют их.

«Артек» функционирует круглый год. Красивые спальные помещения, столовые и читальные залы построены в современном стиле — изящные, стройные сооружения из стекла и стали обращены к морю. Летом в лагере отдыхает одновременно около 5 тысяч мальчиков и девочек от 12 до 15 лет, зимой — 700 ребят. В течение всего учебного года с ними проводятся занятия по всем предметам в объеме средней школы.

В лагере хорошо оборудованы классные комнаты, лаборатории и учебные кабинеты по физике, химии, естествознанию, а также спортивные площадки для игр в футбол, хоккей, баскетбол, есть и большой стадион для легкой атлетики. Все это способствует такому размаху занятий спортом, какого мне не приходилось видеть. Такой лагерь, как «Артек», никогда невозможно было бы создать и содержать на средства рядовых американцев.

Слушая мои восторги по поводу «Артека», один из руководителей Украинского республиканского совета профсоюзов сказал:

— О, это еще не самое лучшее! Вот посмотрели бы наши пионерские лагеря под Одессой и Киевом!

Позднее в Москве я обменивался впечатлениями от пионерских лагерей с одним американским корреспондентом. Он тоже побывал в «Артеке» и пришел от него в восторг.

— Там становишься коммунистом! — засмеявшись, добавил он.

Деятельность профсоюзов в области организации пионерских лагерей очень широка. В качестве примера скажу, что Украинский республиканский совет профсоюзов в своем отчете за год сообщил, что значительные суммы были ими израсходованы на 900 пионерских лагерей, в которых отдохнуло в каникулярное время почти 600 тысяч детей.

Образование

Мне порой казалось, что каждый человек в Советском Союзе учится. Через широкую сеть начальных, средних школ и высших учебных заведений — университетов и институтов — осуществляется огромная общеобразовательная программа. По инициативе профсоюзов уже многие годы работают школы, которые советские трудящиеся называют фабрично-заводскими.

Рабочим на всех двадцати девяти предприятиях, которые я посетил, предоставлены широкие возможности для

повышения общего и технического образования. «Университет» Московского завода малолитражных автомобилей занимает просторное многоэтажное каменное здание с десятками классных комнат на каждом этаже, в которых занимается по 20—30 человек. Там имеется несколько помещений, где учащиеся на действующих моделях проходят теоретический и практический курс производства и эксплуатации автомобиля. Основной контингент учащихся в классах, где я присутствовал на занятиях, составляли ученики, осваивающие профессию, работники этого предприятия. Они прилежно занимаются, и такая атмосфера дисциплинированности, подтянутости характерна для всех учебных заведений, которые мне удалось посетить в СССР.

Большинство учащихся из рабочих — это молодежь. Они имеют достаточно свободного времени для посещения занятий и для подготовки к экзаменам. На подготовку и сдачу экзаменов им предоставляется оплаченный отпуск.

В дополнение к программам профессионального обучения для лиц, не имеющих законченного среднего образования, организуются систематические занятия по истории, географии, биологии, математике, физике, иностранным языкам, обществоведению. Имеются также заочные отделения институтов, причем заочникам обеспечиваются те же преимущества, что и прочим учащимся. Все это контролируется профсоюзными организациями и органами народного образования.

На Московском заводе малолитражных автомобилей пятая часть общего числа работающих учится без отрыва от производства. Такое стремление к знаниям я наблюдал всюду.

Повышение образования, рабочего мастерства играет на советских предприятиях большую роль для продвижения по службе и повышения заработка, чем производственный стаж. Этим в значительной степени объясняется тяга людей к образованию.

На комиссии ФЭМК, занимающиеся вопросами производственного обучения работающих, возлагается вся ответственность за организацию учебного процесса.

На всех предприятиях имеются большие технические библиотеки и библиотеки художественной литературы. Для меня подлинным сюрпризом было обнаружить в профсоюзной библиотеке Братской ГЭС в Сибири три сильно потрепанных экземпляра моей книги «Хойзингер Четвертого Райха» (на английском языке). На 10 тысяч

В школе рабочей молодежи, где учатся металлурги волгоградского завода «Красный Октябрь»...

рабочих в этой библиотеке, мало чем отличающейся от заводских библиотек, насчитывается 76 тысяч томов книг.

Я узнал, что Хемингуэй, Фолкнер, Драйзер, Митчел Уилсон, Стейнбек, Марк Твен, Дж. Селинджер, Альберт Мальц и Джек Лондон очень популярны у советских трудящихся.

Медицинская помощь и оздоровительные учреждения

Как и большинство современных предприятий в США, советские фабрики и заводы имеют свои хорошо оборудованные медпункты для оказания первой помощи заболевшим или получившим производственные травмы. Впрочем, это больше, чем пункты первой медицинской помощи. На многих крупных и мелких предприятиях на медицинских пунктах постоянно дежурит квалифицированный медицинский персонал. Кстати, этот медицинский персонал пред-

ставляет собой исключение из принципа «одна отрасль — один профсоюз». Медики входят в профсоюз медицинских работников, а не в профсоюзную организацию предприятия.

Вся медицинская помощь на производстве предоставляется бесплатно, лекарства, имеющиеся в медпункте, — тоже за счет средств государственного бюджета.

Еще одной важной стороной обширной системы медицинского обслуживания населения являются поликлиники. Я на себе испытал это, когда, вернувшись в конце октября из Крыма, неожиданно захворал. С утра я проснулся в ознобе, сильно болела голова, я чихал, и каждый чих мучительно отдавался во всем моем теле.

— Герольд, — сказал я моему другу из ВЦСПС, — сообщаю особой важности новость: я подцепил московский грипп. Я болен, дружище!

— Боже мой, Чок, мы вам сейчас же вызовем врача, — сказал он.

— Э, нет, — воскликнул я, обрадованный блеснувшей у меня идеей, — раз уж я заболел, то воспользуюсь этим и постараюсь разузнать, что происходит с членом профсоюза в Советской стране, когда он заболевает гриппом. Смекнул?

Мы решили, что я назовусь журналистом, членом профсоюза работников культуры. Вместе с моими друзьями мы вышли из гостиницы и спустились в метро, которое являет собой невероятное сочетание стерильной чистоты больничной палаты с картинной галереей. И меньше чем через десять минут мы уже входили в поликлинику.

Поликлиника помещалась в большом обыкновенного вида здании. В регистратуре я сообщил о себе сведения: имя, фамилию, адрес... Когда Герольд посвятил пожилую женщину регистратора в нашу маленькую хитрость, она сказала, нахмурившись:

— Он может выдавать себя за советского журналиста, но ему не скрыть своего гриппа! Пройдите наверх, в кабинет 202.

Мы попали в комнату ожидания врача-терапевта. Приемная, как все приемные врача на свете, — мягкие кресла, журналы в ярких обложках на столиках, больные с покрасневшими глазами, чихающие и кашляющие. И, как обычно бывает в таких приемных, все сидели, будто немые, поглядывая друг на друга.

Через несколько минут из кабинета выглянула почтенного возраста женщина в белом халате, пригласила меня:

— Прошу сюда, товарищ!

Мы вошли в кабинет.

Я заметил, что слово «товарищ» чаще в ходу у людей старшего поколения. Во многих случаях оно выражает доброжелательную вежливость, но чаще всего — это дружеское обращение, подобно тому как в Соединенных Штатах профсоюзники называют друг друга братьями и сестрами. Младшему поколению это свойственно реже.

Приятной внешности молодая женщина помогала одеться уходившей больной. Пожилая распорядилась, обращаясь ко мне:

— Разденьтесь до пояса и прилягте!

Теперь до меня дошло, что врачом-то была пожилая, а не молодая. Не повезло мне, значит!

Достав стетоскоп, врач прослушала меня, потом стала выстукивать, приказывая время от времени покашлять. Потом она сунула мне под мышку термометр и, пока я его держал, расспрашивала меня, куда я ездил и чем там занимался. Под конец она объявила:

— У вас грипп.

Мы все дружно рассмеялись.

— Так что вы прикажете мне делать?

— Будете принимать все эти лекарства, — сказала врач, протягивая мне три рецепта. — Купите в аптеке. Полежите три дня в постели, больше пейте и отдыхайте.

— Это невозможно! — взмолился я. — У меня слишком много работы, деловой беготни. Нельзя ли сделать мне такой укол, чтоб разом все прошло?

— Нет, — сурово обрезала она. — советская медицина не верит в подобные чудеса!

Приходилось полностью покориться, иначе врач угрожала снять с себя всякую ответственность за состояние моего здоровья.

— Вы, мужчины, все одинаковы, — проворчала она, пожав плечами.

— О'кей, — улыбнулся я. — Большое спасибо. Сколько я вам должен?

— Что вы? Ничего не должны! Заплатите только за лекарства в аптеке. Придет время, и лекарства мы тоже будем отпускать бесплатно. Вот тогда и приезжайте к нам поболеть еще разок!

По дороге в аптеку Слава рассказал мне, что жена его ждет ребенка. Я спросил, пользуется ли она услугами частного врача или кого-то из врачей районной поликлиники.

На Московском заводе малолитражных автомобилей: врач (в центре) с членами завкома у входа в здание заводской медсанчасти.

— У нас есть врач, — ответил Слава, — который еще мне помог родиться и поможет родиться моим детям. А у нас будет четыре дочки, не меньше!

В сверкающей чистотой аптеке толпилось много народу. Я вошел, занял очередь и, простояв несколько минут, протянул рецепты фармацевту. Потом уплатил в кассу и по чеку получил свои лекарства: 18 таблеток аспирина, дюжину таблеток от головной боли и трехдневную дозу какого-то антибиотика, который мне сильно помог. Все это обошлось 22 цента на наши деньги.

На следующее утро ко мне постучались. Две женщины в белых халатах с маленькими чемоданчиками в руках поинтересовались, как я себя чувствую. «Неплохо», — отвечал я, стараясь догадаться, откуда они узнали о моей болезни. Это оказались работники «Помощи на дому» той поликлиники, где я был. Они навещают больных по предписанию врача. И также бесплатно.

Третья разновидность медицинского обслуживания на

советских предприятиях — профилактории. На больших предприятиях это дело поставлено на широкую ногу. На Московском заводе малолитражных автомобилей имеется большое лечебное учреждение для рабочих этого предприятия, обладающее пропускной способностью в тысячи пациентов в год. Там оборудован специальный профилакторий, куда рабочий направляется для ночного отдыха на короткий или более длительный срок — иногда, при лечении болезни сердца, язвы, нервных заболеваний, на несколько недель. Утром рабочий идет, как обычно, на работу, а после окончания смены возвращается в профилакторий, где он питается, отдыхает и выполняет предписанный врачом режим.

Энергичная седая женщина — главный врач поликлиники завода малолитражных автомобилей — контролирует и работу заводского профилактория. Она возглавляет медицинский коллектив в 500 человек. 140 из них — опытные врачи и консультанты. Профилакторий рассчитан на 100 коек. В поликлинике оборудованы рентгеновский и электрокардиографический кабинеты, а также стоматологическое отделение.

Профилактории стали обычным явлением на всех заводах, в учреждениях и совхозах, в чем я имел возможность лично убедиться. Во время моего посещения большого профилактория на заводе «Красный Октябрь» в Волгограде, расположенном в тихом зеленом уголке, хотя и неподалеку от завода, состоялось мое знакомство и с товарищем Пименовым.

— По какой причине вы здесь оказались? — спросил я его.

— Растолстел я, как видите.

— Хотите похудеть?

— Да, надо сбросить лишние килограммы, — ответил он, похлопывая себя по животу.

— Глодаете таблетки, убивающие аппетит?

Он, а вместе с ним и лечащий врач только рассмеялись. Врач спросил меня, правда ли — он читал это в одном журнале, — что некий американский сенатор изобличил госдепартамент в поставке Индонезии подобного рода медикаментов на 5 миллионов долларов?

Я спросил товарища Пименова, долго ли он собирается здесь пробыть.

— Я уже здесь две недели и еще пробуду дней десять. У меня путевка на двадцать четыре дня.

— Что за путевка?

— Путевка на лечение в профилактории.

— А кто выдает их?

— Они распределяются заводским комитетом, — ответил он.

— Какова же стоимость путевки?

— Стоимость невелика. Я заплатил за двадцать четыре дня 15 рублей 4 копейки. Но это всего лишь часть ее стоимости. Все остальное — из средств социального страхования.

Во время своей поездки я убедился в существовании такого положения дел.

Общественный транспорт и обслуживание

Сотни тысяч членов профсоюзов добровольно выполняют обязанности общественных контролеров. Главная их задача — тщательный контроль за работой магазинов и других торговых организаций, бань, прачечных... Цель — добиваться организации умелого, вежливого, хорошего обслуживания.

Они следят за качеством пищи в столовых, за чистотой и порядком в парках культуры, на стадионах, в складских помещениях и т. д. Они следят за точностью калькуляции, закладки продуктов на предприятиях общественного питания, соблюдением часов торговли в столовых, буфетах, киосках, молодежных кафе, закусочных и пр.

За свою работу общественные контролеры не получают никакой платы и посвящают ей свое свободное время. Администрация предприятий обязана работать с ними в тесном контакте. Профсоюзные комитеты несут прямую ответственность за деятельность контролеров.

Металлурги Рустави в Грузии посвятили меня в свои планы дальнейшего развития общественного транспорта на ближайшие пять лет.

— Автобусное сообщение между Рустави и Тбилиси налажено плохо, — сказал председатель комиссии ФЭМК, ведающей вопросами общественного обслуживания. — Мы надеемся, что в скором времени будет введена система работы транспорта без кондуктора, как в Москве, Ленинграде и Киеве. Мы собираемся направить свои усилия на повышение эффективности работы транспорта. В настоящее время расписание движения неудовлетворительно. На линии мало автобусов.

— Да, но разве работа городского транспорта входит не в сферу деятельности горсовета?

— Это действительно так, но горсовет очень внимательно прислушивается к нашим деловым предложениям, — сказал руководитель этого самого крупного предприятия в городе.

Система езды без кондуктора, практикуемая в Москве, Ленинграде и Киеве, мне была уже знакома. Все эти многонаселенные города ввели ее у себя в автобусах, троллейбусах и трамваях более трех лет назад.

Вот вы входите в троллейбус. Здесь нет кондуктора, но имеется кассовый ящик и катушка с билетами. Вы опускаете в кассу 4 копейки (около 5 центов на наши деньги), подчиняясь только своей совести, отрываете билет, занимаете место и едете до своей остановки.

Я спросил одного из видных профсоюзных руководителей в Москве, как это дело началось, и он ответил, что профсоюзы предлагали ввести эту систему еще несколько лет назад, что они видят в этом рост сознания людей, являющихся подлинными хозяевами города.

— Хорошо, — возразил я, — а сотни тысяч рублей, которых, наверное, недостает в кассе из-за жульничества?

Но он твердо ответил:

— Мы доверяем людям. Сальдо всегда в нашу пользу, а в 1963 году мы имели даже «сверхприбыль».

Все это не может не производить впечатления. В Москве я беседовал с одним корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» о работе московского транспорта без кондуктора. Он не знал, что инициаторами этой идеи были профсоюзы, а приписывал это Коммунистической партии.

— Ладно, не в этом дело, — сказал я. — Но представьте себе только, что подобную систему ввели бы в Нью-Йорке. Фантастическая получилась бы картинка, не так ли?

— Да нет, — возразил он, стараясь охладить мой пыл. — Поймите, они это делают лишь для того, чтобы высвободить рабочую силу для других, более важных участков. Ничего общего это не имеет с воспитанием у людей чувства хозяина.

Может, имеет, а может, нет, я не стал с ним спорить. Но я не забуду случая, когда я в Ялте отправился с водителем такси посмотреть, как он получает свою зарплату.

Мы приехали к нему в гараж. Там у стены стоял стол, на котором лежали стопки банкнот разного достоинства и горки разменной монеты, а рядом ведомость. В комнате никого не было, когда мы вошли. Водитель нашел свою фамилию в ведомости и посмотрел сумму, которая ему причиталась. Потом расписался в получении и, отсчитав себе правильно деньги, положил сдачу. И мы ушли.

Подобный способ выплаты, рассказал он мне, у них действует уже два года. Улыбаясь с горделивым достоинством, он добавил, что у них в Крымской области уже несколько предприятий перешли на подобную систему выдачи зарплаты.

Культура и спорт

Из всех комиссий ФЭМК самые многочисленные и наиболее популярные — культурно-массовые. На каждом из предприятий, которые я посетил, имеется свой Дворец (или Дом) культуры, размеры и оснащенность которого зависят от масштабов и финансовых возможностей владеющего им предприятия. Я видел много колоссальных дворцов культуры, но немало и довольно скромных. Общеизвестно, что советские профсоюзы с помощью дворцов культуры, клубов стали одними из главных пропагандистов наследия советской культуры и ее современных достижений.

В настоящее время в Советском Союзе только у профсоюзов более 19 тысяч дворцов культуры. В Ленинграде, например, профсоюзам принадлежат десятки дворцов культуры.

Я провел несколько дней и вечеров во Дворце культуры имени Кирова Ленинградского областного совета профсоюзов, беспрепятственно блуждая по его залам со своим фотоаппаратом и магнитофоном. Дворец этот открыт для всех вне зависимости от членства в профсоюзе. Благодаря этому очень много детей пользуются его спортивными залами, занимаются здесь в научных и художественных кружках. Дети, занимающиеся в археологическом кружке, каждое лето выезжают в отдаленные районы страны в составе экспедиций, ведущих раскопки, например в Карпатах. Расходы по таким поездкам детей берет на себя профсоюз.

Дворец культуры посещают также и домашние хозяйки. Они участвуют в разного рода занятиях, в хоровых,

Все это любители. Они с удовольствием участвуют в художественной самодеятельности, занимаются самодеятельным искусством: в Вологде...

в Ташкенте...

в Сибири...

танцевальных, музыкальных, хореографических, драматических и прочих кружках. Некоторые увлекаются оперной музыкой, пением, изобразительным искусством.

Ни много ни мало десятки тысяч человек посещают за неделю Дворец культуры имени Кирова. Во Дворце имеется театральный зал на 1750 мест, широкоэкранный кинотеатр на 750 мест, библиотека с фондом 100 тысяч томов и читальными залами.

Я хохотал от души на концерте художественной самодеятельности в клубе Первого подшивникового завода в Москве. Такие концерты напоминают наши варьете, с той лишь разницей, что все его участники — любители, работники заводов и учреждений, занимающиеся этим ради своего удовольствия.

Особо талантливым рабочим профсоюзы оказывают содействие для обучения в художественных училищах и в консерваториях. Многие художники, актеры, певцы и музыканты в СССР начинали свою карьеру с кружков самодеятельности. В Сибири я слушал выступление необычайно одаренного молодого баритона, который получил музыкальное образование благодаря помощи профсоюзной организации Братской ГЭС. Зимой и весной 1965 года ему с группой советских артистов предстояло гастрольное турне по Европе. Все это время за ним сохраняется его рабочая должность инженера Братской ГЭС и полностью выплачивается заработная плата.

Пожалуй, самым прекрасным из всех виденных мною был новый Дворец культуры из стекла и бетона профсо-

юза рабочих электростанций и электропромышленности в Братске. За стенами его бушевал сибирский снежный буран, а в зале дети рабочих в балетных пачках занимались хореографией. Я наблюдал, как пятьдесят маленьких девочек исполняли экзерсисы в зеркальном зале, окна которого выходили в большой парк с молодыми березками. Балетной школой, в которой занимаются двести пятьдесят ребят, руководит штат преподавателей, в числе которых бывшая прима-балерина Большого театра.

Все это было как в сказке: за окнами бушует сибирский буран, а тут, в этом зале, танцующие малыши — дети рабочих электростанции.

В районных центрах и совхозах дворцы культуры, клубы меньше и скромнее, но и они, хотя и в меньшем масштабе, тоже выражают то, что я назвал бы «культурной одержимостью» профсоюзов.

У советских профсоюзов собственное издательство — Профиздат, которое ежегодно выпускает около десяти миллионов книг и брошюр, а также свой официальный печатный орган — газета «Труд» с ежедневным тиражом

Сцены спортивной жизни. Мероприятия организуются профсоюзами.

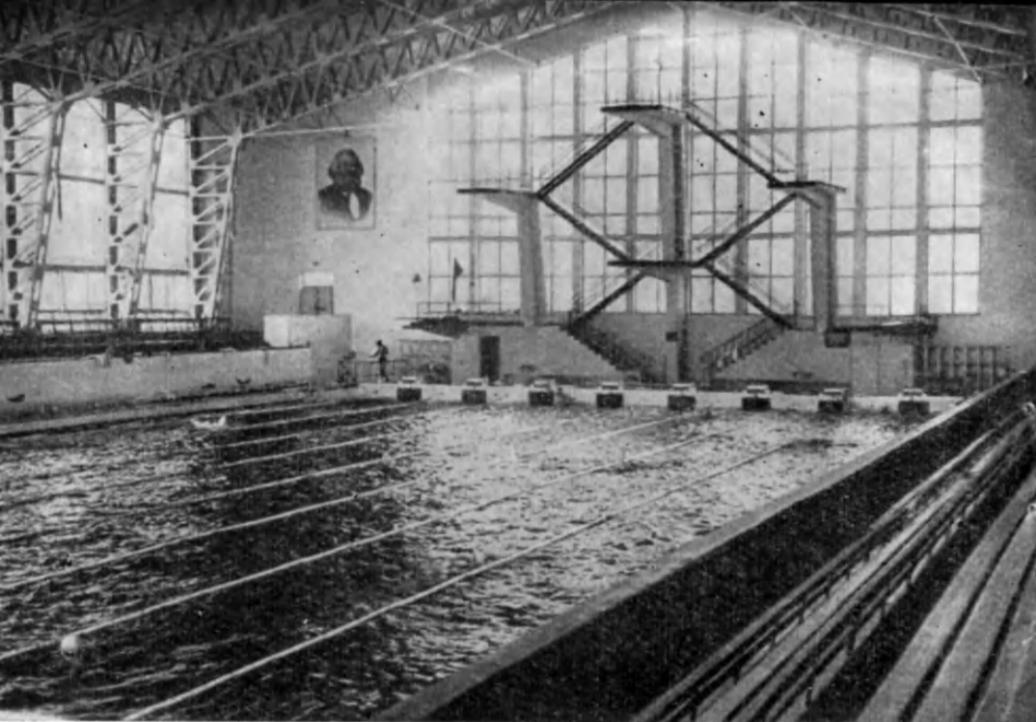
более двух миллионов экземпляров. ВЦСПС издает и другие газеты и журналы.

Все культурные начинания профсоюзов строятся в расчете на широкое вовлечение масс. Я узнал, что в 1963 году около 3,7 миллиона членов советских профсоюзов добровольно участвовало в нерабочее время в деятельности культурно-массовых комиссий.

Большинство американцев знает о достижениях Советского Союза в области спорта. Последние Олимпийские игры в Токио вновь послужили ареной соревнования между двумя гигантами в спорте — командами США и СССР.

Широко известно, что Советское правительство ассигнует огромные суммы на развитие спорта, но весьма немногие представляют, какую большую роль в развитии спорта играют советские профсоюзы.

Каждое крупное предприятие имеет собственный стадион или спортивную площадку, спортивные залы. Некоторые стадионы рассчитаны на сотни зрителей, другие — на десятки тысяч. Через свои спортивные общества «Труд», «Спартак», «Локомотив» отраслевые профсоюзы

Новый плавательный бассейн в Ташкенте, где автор пытается сделать несколько сложных прыжков с вышки.

проводят спортивно-массовую работу во всесоюзном, республиканском, областном, районном и городском масштабах. Профсоюзы содержат аппарат инструкторов и тренеров, которые круглый год обучают начинающих спортсменов и тренируют уже опытных.

Я побывал на множестве спортивных состязаний, организованных профсоюзами, как на одном предприятии, так и между командами разных предприятий и сам стал любителем советского футбола. На отдельных матчах присутствовало до 75 тысяч зрителей.

Новый стадион «Волга» в Волгограде может служить примером массовости профсоюзного спорта. Расположенный на берегу Волги, он чем-то напоминает чудо Нью-Йорка — стадион Шиа, тот, который стоил много миллионов долларов и на котором выступают «Меты» — профессиональная команда Национальной лиги бейсбола и «Джеты» — команда Американской футбольной лиги.

Всем оборудованием стадиона «Волга» совершенно бесплатно пользуются любители, а не профессионалы. По

двум сторонам овала стадиона, имеющего форму великолепной чаши, расположены два больших гимнастических зала, плавательный бассейн, помещения для занятий боксом и борьбой, баскетбольные и теннисные крытые корты, залы для занятий легкой атлетикой. Взрослые и дети играют в футбол и баскетбол, на самом стадионе проводятся велогонки.

Строительство этого стадиона обошлось в несколько миллионов рублей. Многие строительные работы выполнены трудящимися города — мужчинами и женщинами в их свободное время, комсомольцами и даже пионерами.

Здание стадиона не только внешне прекрасно, но и очень удобно для зрителей. А билеты дешевые: за 50 копеек я сидел там на одном из лучших мест и смотрел, как команда Волгоградского шинного завода дает жару австрийской профсоюзной команде.

В разных местах Советского Союза я тоже принимал участие в спортивных профсоюзных мероприятиях: играл в баскетбол, состязался по плаванию и прыжкам в воду, зарабатывал очки по тяжелой атлетике.

Университетский стадион в Тбилиси вмещает 20 тысяч зрителей. Здесь профсоюзы осуществляют массовую спортивную работу.

В США бытует мнение, будто успех советских людей в спорте объясняется лишь тем, что правительство субсидирует спортсменов-профессионалов, которых представляет как любителей.

Это совершенно не так. Секрет успеха в массовом вовлечении трудящихся в спорт. В значительной мере благодаря профсоюзам каждый год появляются тысячи и тысячи новых спортсменов. Они приходят на стадионы с заводов и из учреждений, принимают участие в спортивных соревнованиях, в международных встречах и снова возвращаются в свои цехи и учреждения. Они действительно получают отпуска (и платные при этом) за месяц до больших международных состязаний, таких, как Олимпийские игры или встречи на первенство Европы. Но в подобных играх участвуют лишь самые лучшие спортсмены, входящие в состав сборных команд СССР.

Я вспоминаю свое посещение оптико-механического завода в Ленинграде, где работает техником Тамара Пресс. В комнате, в которой собраны все спортивные

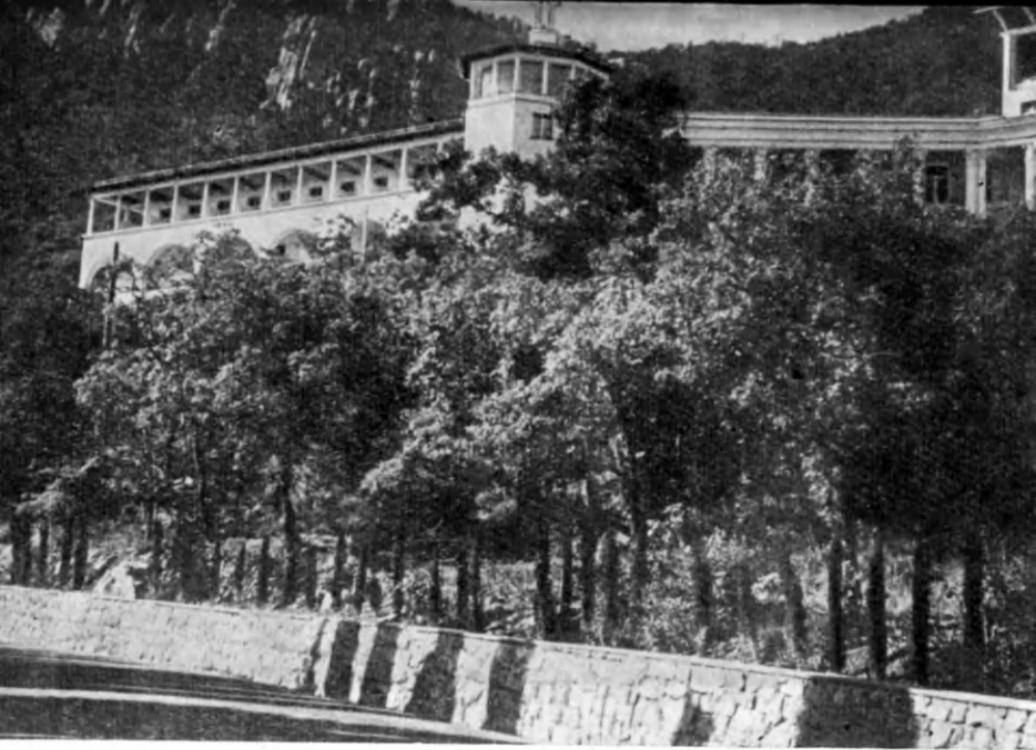

Крым — главное место лечения и отдыха. Более 2 тысяч действующих курортов по всему Советскому Союзу находятся в ведении профсоюзов.

трофеи работающих на этом заводе, я видел много ее фотографий и разговаривал с ее товарищами по работе, в то время как сама она устанавливала мировые рекорды в Токио.

Профсоюзные активисты, занимающиеся спортом, в преобладающем большинстве не ездят на Олимпийские игры, но именно они благодаря своей численности составляют мощный спортивный резерв, обеспеченный хорошей базой, превосходными тренерами, заряженный здоровым стимулом спортивного соревнования. Вот чем объясняются советские достижения в спорте.

Достаточно привести две цифры, чтобы показать размах спортивного движения, организуемого профсоюзами. Одна имеет местное значение, другая всесоюзное, но воздействие их ощущается далеко за пределами СССР. За один год только Ленинградский областной совет профсоюзов, представляющий более миллиона рабочих, израсходовал на развитие спорта 7 миллионов рублей. В 1964 году почти 20 миллионов членов профсоюзов активно занимались одним или несколькими видами спорта, ины-

Санатории в Ялте предназначены для лечения сердечных, желудочно-кишечных заболеваний, туберкулеза. 24-дневное пребывание многих трудящихся частично или полностью оплачивает профсоюз. Путевки выдаются нуждающимся в лечении. Сюда съезжаются рабочие со всех концов страны.

ми словами, 20 миллионов мужчин, женщин и подростков регулярно добивались спортивных достижений, а заботились о них предприятия, профсоюзные организации.

ТОВАРИЩЕСКИЕ СУДЫ

Товарищеский суд — явление уникальное. Он существует только в Советском Союзе. Этот суд не похож ни на районный суд, ни на штатный или федеральный суд США в обычном понимании этого слова. В товарищеских судах, существующих на предприятиях, в научно-исследовательских институтах, в совхозах, колхозах, при домоуправлениях, заседают сами трудящиеся.

Товарищеские суды возникли после революции, но в последние годы в связи с общей тенденцией предоставлять трудящимся право более широкого участия в отправлении правосудия работают активнее. Они стали признанными выразителями общественного мнения в отношении того, что в Советском Союзе называется антиобщественным поведением.

На каждом предприятии в Советском Союзе действует товарищеский суд. Он избирается работниками данного предприятия или учреждения на общем собрании путем открытого голосования сроком на два года. В каждом таком составе суда — председатель, его заместитель и секретарь. Члены суда работают на общественных началах. Товарищеский суд заседает лишь по мере возникающей надобности. На его заседаниях, как правило, собирается много народу.

Я присутствовал на заседании суда на московском заводе «Калибр». Слушалось дело

рабочего, систематически опаздывавшего на работу и совершавшего прогулы из-за пьянства. Его обвиняли также в безобразном поведении в семье. Обвинение было обосновано во всех деталях и подкреплено письменными показаниями товарищей по работе и соседей по дому. Председатель суда — пожилая беспартийная работница — несколько раз беседовала с этим человеком до судебного заседания.

Я видел, как сдержанно и серьезно ведут себя все присутствующие, начиная от судьи и кончая обвиняемым. Последний имел полную возможность задавать вопросы выступавшим против него и неоднократно пространно ратовал во время заседания в свою защиту. Все выступавшие говорили вежливо, хотя и весьма откровенно. Несмотря на то что обвиняемый перед этим дважды отказывался явиться в суд, теперь он признал себя виновным.

Я не заметил в этом зале ни малейшего проявления мстительности. Наоборот, некоторые женщины ему сочувствовали, многие его явно жалели. Он и сам, видимо, раскаивался.

Признав его виновным, суд после короткого совещания объявил ему общественный выговор. Товарищеский суд был бы вправе поставить вопрос перед администрацией о понижении его в должности. Хотя права и функции товарищеского суда не идентичны

с такими официальными органов юстиции, его действия не подвергаются сомнению и его рекомендации имеют вес для профсоюза, администрации и особенно для рабочих масс.

Во многих случаях товарищеский суд не налагает никаких взысканий. Помимо фактов прогулов, опоздания на работу, пьянства, мелких хищений и грубости, суд рассматривает различные антиобщественные

поступки: неправильное поведение в быту и семье, оскорбление, сплетни...

Значение товарищеских судов чрезвычайно велико. Они, безусловно, заставляют человека осознать необходимость соблюдения норм общественного поведения, действуют с такой эффективностью, какой мне не доводилось видеть ранее.

Я ПЕРЕДАМ ИМ...

В конце своего отчета профсоюзу моряков о поездке в Советский Союз председатель Национального союза моряков Джозеф Карен и члены его делегации особо подчеркнули необходимость обмена делегациями между американскими и советскими моряками, дабы широкие массы, живущие по одну сторону океана, видели, как живут и работают труженики на другой его стороне.

Отчет заканчивался такими словами: «После этой поездки мы убедились, что стоим на правильной позиции. Обмен делегациями, состоящими из руководителей разных рангов и рядовых членов, следует поощрять. При современной мировой ситуации наше рабочее движение обязано сделать все от него зависящее для улучшения взаимопонимания и установления дружеских отношений с народами за «железным занавесом». У нас не должно быть опасений, что это будет иметь дурные последствия, мы можем добиться успехов».

Это толковые слова: в них заключено рациональное зерно. Для американских трудящихся самый лучший способ узнать о Советском Союзе — это поехать туда и повидать все собственными глазами. В последний день моего пребывания в Москве, когда я по окончании заседания товарищеского суда на заводе «Калибр» направлялся к проходной, меня кто-то окликнул:

— Погодите, товарищ!

Я обернулся и увидел пожилого человека, спешившего ко мне. Я его не знал и видел впервые.

— Вы меня? — спросил я.

— Да, вас, — тяжело переводя дыхание, проговорил

Сталелитейщик с сорокалетним стажем в Ялте. Пенсионный возраст для мужчин в этой отрасли промышленности — 55 лет, для женщин — 45 лет. «Теперь жизнь иная, не то было, когда мы начинали», — вспоминает старый рабочий...

Этому узбеку колхознику 84 года. Жил и работал при царском режиме, потом при Советской власти. Сейчас занимает хорошую квартиру. Сфотографирован в Ташкенте, куда он приехал к родственникам.

он. — Я работаю здесь и был на заседании товарищеского суда, где вы также присутствовали и задавали потом вопросы. Мне ясно, что американский рабочий класс на многое смотрит иными глазами, чем мы.

— Совершенно верно, — подтвердил я. — Не будем себя обманывать на сей счет.

— Ничего, — сказал он, — не это главное. Но, мне кажется, нет причин, которые мешали бы нам жить в мире.

— Я думаю, большинство американцев с готовностью подпишется под этим, — сказал я. — В основном американцы — порядочные люди, что бы вам про них ни говорили. В огромной своей массе это миролюбивый народ. Особенно американские труженики. Большинство их рассуждает так: «Живи и жить давай другим».

Тогда он сказал мне:

— Вы смогли бы передать мой привет американскому рабочему классу?

Я с улыбкой объяснил ему, что никого не представляю, кроме самого себя, никто не уполномочивал меня делать какие-либо заявления или выступать от чьего-либо имени.

— Но вы можете записать то, что я вам скажу?

— Безусловно. Я записываю все, что имеет деловой смысл.

— Передайте американским трудящимся, что недалек тот день, когда мы догоним их по уровню производства.

«Ох, ох, — подумал я, — сейчас услышу знакомую песенку: «Всех буржуев перебьем»... А он тем временем продолжал:

— Мы вас догоним. А потом в общем строю плечом к плечу, невзирая на различия, пойдем вместе по пути строительства прочного мира. Передайте им это.

— Я передам.

Кажется, он остался доволен.

— До свидания, — сказал он мне уходя.

— До скорого свидания, — ответил я.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
В ПУТИ	5
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ!	12
ЗА РАБОТОЙ	19
В цехе	22
Вступление в профсоюз	23
Коллективный договор	30
Профсоюзный комитет	33
Защита интересов рабочего	39
СРЕДИ ТРУДЯЩИХСЯ	48
Жилища для десятков миллионов	50
Дети	52
Образование	56
Медицинская помощь и оздоровительные учреждения	58
Общественный транспорт и обслуживание	63
Культура и спорт	65
Я ПЕРЕДАМ ИМ...	76

Издательство ВЦСПС Профиздат —
ул. Кирова, 13

Аллен Чарльз.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СОВЕТСКИЕ
ПРОФСОЮЗЫ. (Глазами американского
журналиста). М., Профиздат, 1967.

331.03

80 стр.

Редактор Д. М. Хвостова
Худ. редактор А. П. Ерасов
Техн. редактор Н. Д. Коробова

Подп. к печати 12/IV 1967 г. Бумага типо-
графская № 1 84×108¹/₃₂=2,5 п. л.
(усл. 4,20 л.) Уч.-изд. 4,61 л.
Тираж 18 000 экз. Цена 18 коп. Зак. 1049.
Объявлено в Тематическом плане
Профиздата на 1966 год, № 164

1-я типография Профиздата, Москва,
Крутицкий вал, 18

Цена 18 коп.

ПРОФИЗДАТ
1967